

18+

Дарья Зимина

Горлица и лунь

Дарья Зимина
Горлица и лунь

«Издательские решения»

Зими́на Д.

Горлица и лунь / Д. Зими́на — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533014-7

Из степей на земли княжеств напал незнаемый народ. Бортэ, дочь хана, желает удачи кочевникам и собственной безопасности. В городе Светлоровск князь Даниил с помощью мудрой матери Евпраксии пытается защитить Родину от новых врагов, а сестру Агафию — от нее самой. Бедной сироте Добраве приходится каждый день бороться за жизнь, дружбу и любовь. Но и в юртах, и в теремах, и в избах одинаково боятся люди волколаков, умеющих принимать облик зверей, птиц, рыб и творить, по народным поверьям, зло...

ISBN 978-5-00-533014-7

© Зими́на Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Горлица и лунь

Дарья Зими́на

© Дарья Зими́на, 2021

ISBN 978-5-0053-3014-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

*Легко могло случиться, что мы не встретились бы в море жизни.
Ант. Ладинский, «Когда пал Херсонес»*

...благослови этот брак и подай этим рабам Твоим Прохору и Вере жизнь мирную, долгоденствие, целомудрие, друг ко другу любовь в союзе мира, потомство долговечное, радость о детях, неувыдаемый славы венец...

В новой церкви совершалось таинство венчания. К высокой двускатной кровле деревянной постройки, похожей на избу, без купола и креста, поднимались сиреневые облака фимиама, растворяясь в солнечном свете, лившемся из трех маленьких окон. Седобородый священник в небесно-голубой новой епитрахили на шее, животе и груди, белых поручах и фелони, расшитых золотыми крестами, – подарках воеводы Никиты – стоял перед женихом и невестой. Прохор в белой рубахе, вышитой на груди и рукавах конями с шеями, как у лебедей, алом кушаке, узких портах и блестящих сапогах – голенище гармошкой – был истинно молодым князем, в могучей руке державшим пальцы Веры. Девушка низко опустила голову и всхлипывала так, что бронзовые колты с грустной Сириной-птицей с человеческой головой качались у висков и ушей, приделанные к бело-алому очелью с цветами, лепестки которых казались острее наконечника стрелы. Тяжелая коса русых волос с ярким рыжим отливом струилась вниз по зеленой тунике с широкими рукавами – наверху – из-под которого к самой кисти спускались белые пышные рукава рубахи, подолом почти до самых лаптей. Невеста щеки, покрытые бледными по осени веснушками, белить не стала. Во всем виде ее неаккуратность была, будто собирали наспех.

На половине жениха стояли родственники мужского пола – степенные и бородатые, в холщовых рубахах, с шапками в руках. Отец и братья молодого оценивающе оглядывали невесту. Гости женского пола пестрой нарядной толпой стояли на другой половине церкви. Мать и невестки Прохора поджимали губы. Болтливые девушки шептали:

– Везет Добраве-то! Муж ее нарядит как боярыню.

– И чего плачет, глупая? Или есть у нее кто?

– Не примечали...

– Говорят, отец за косу по двору таскал, чтобы в церковь идти согласилась.

– Мне и глядеть-то на него, мол, противно!

– Стерпится-слюбится...

– Прищемила его, первая на деревне плясунья, – ворчала свекровь.

– Ох, голытьба, – шептал дед жениха соседу. – Приданого за ней три рубахи, под венец в нашем пошла...

...но, как Церковь подчиняется Христу, так и жены своим мужьям во всем...

– Хорошего жениха сыскала дочке! – говорила матери невесты ее сестра.

Не трогал сердца невесты отрывок о браке в Кане Галилейской. Девушка перестала плакать. С оцепенением смотрела она перед собой прямо в большие глаза Бога-страдальца с иконы. Он помилует. Он простит...

С улицы доносилось ржание коней, лай собак и чьи-то крики. Гости переглядывались, но выйти из церкви никто не решался.

...сам ныне рабов Твоих Прохора и Веру...

– Добраву. Я Добрава! – сказала вдруг невеста, вскинув голову.

– Другим именем крестили тебя, чадо, – удивленно сказал священник.

– А ты в церкви меня побей, Прохор. Чтобы сразу за все отмучаться, – обратилась невеста к жениху.

– Бесноватая! – крикнул кто-то в толпе.

Девушка смело обвела всех глазами – уже без страха и страданий. Ноги резвые. За церковью лес. Там ищи-свищи ее – вовек не отыщут! Добрава по до блеска натертым половицам двинулась к гостям, будто бы ища глазами отца и мать своих. Прохор потянул девушку за руку к себе. Невеста вдруг с силой наступила суженому на ногу и бросилась к выходу. Сосед перехватил ее у двери и упал прямо на Добраву, сбив ее с ног и спрятав под собой. Из могучей широкой спины торчала длинная стрела с белым оперением. Женщины закричали. В церковь забежали мужчины в коричневых халатах с косым запахом и войлочных шапках с меховой опушкой. Одни принялись рубить саблями людей – безоружных. Другие сдергивали с убитых серебряные и медные кресты, срывали с рыдающих жен и дев колты, бусы, перстни, серьги, височные кольца-усерязи и рясны. Красивых подхватывали и выносили на улицу, наступая прямо по убитому и лежавшей под ним Добраве. От воплей, стонов, лиц, искаженных в ужасе, тяжелого запаха попавшей на лицо и одежду девушки крови, от ее металлического вкуса, ведь капли стекали по носу и губам, невесте стало дурно, и она побледнела. Срывавший с ее головы колты воин принял Добраву за мертвую. Крича что-то дикими голосами, враги выбежали из церкви. Только тогда осторожно отодвинула несчастная труп и вылезла, опуская руки в кровавые лужи, прячась за стеной и дрожа от страха. Рядом лежал Прохор с отрубленными руками и раной на груди. Рот его был открыт, а глаза с удивлением смотрели на потолок церкви, будто не знал юноша, что люди смертны. Мать в разодранной на спине рубахе навалилась на покалеченное тело отца, в одно время с ним отдав Богу душу. Опрокинутая икона одним только углом стояла на полу, а другим опиралась на бревенчатую стену. Казалось, что грустный Бог падает в бездну. Добрава обхватила колени руками. Не было сил плакать.

На улице еще кричали люди, ржали коротконогие лошади, скулили псы, слышался треск, будто ломали дома. Враги внезапные разорили деревню. Под горький плач в рабство в сухие степи угоняли людей, потерявших негаданно дом, родных и любую надежду на счастье. Добрава слышала это. В общем крике доносились до невесты голоса тех, кого знала, кажется, всю свою жизнь. От этого становилось еще страшнее.

Вдруг горький запах дыма потянулся в церковь. Глаза защипало. Слезы потекли на испачканные щеки. Загорелись еловые, сосновые и дубовые избы, солома, плетни, сараи, амбары, овины, бани. По сухим поленьям плясали языки пламени, сначала крохотные, как грибы на пне, а потом большие, будто вырвавшиеся из-под котлов мохноногих бесов. Огонь рвался к самому вечернему небу, облизывая серо-золотые облака, и гудел. Черные и белые хлопья залетали в церковь через двери и окна, и Добрава кашляла и думала, что все, что ни есть у нее внутри, выскочит наружу на перепачканные стены. На лбу крупными каплями выступил соленый горький пот. Становилось жарко. Девушка будто очнулась. Ее убежище горело! Воняло жареным мясом. Огонь уже опалил дверной проем, от которого по стене пошли черные пятна. Добрава задыхалась. Оторвав кусок наверхника и закрыв им нос и рот, согнувшись в три погибели от тяжелого дыма, несчастная бросилась в ту часть церкви, где был устроен алтарь, – еще не тронутую пламенем. Увы! Несмотря на осеннюю пору, запер уже Перун небесные криницы – дождевые облака, похожие на стадо коров, в хлеву с ледяными засовами. Не выдержав огня, провалился прямо в церковь плававший кусок сухой кровли. Добрава позвала на помощь:

– Спасите!

Стаи перепуганных птиц, вивших гнезда на крышах изб, кружилась над деревней, ставшей одним большим костром. Бездомные и покинутые, они так же жалобно кричали. Мяукала придавленная поленом кошка. Потом она стихла. Воробьи, вороны и голуби улетели, чем-то напуганные. Огонь в церкви все ближе подбирался к обессиленной Добраве. Она все кричала в ближайшее к алтарю окошко, не видя ничего за черной стеной дыма, отплевываясь от хлопьев золы и чувствуя, как уходит куда-то жизнь.

– Горю! Помогите!

Чьи-то сильные руки подхватили девушку и выволокли через маленькое окно. Она уже теряла сознание, но ее резко бросили на землю. Под звонкий лай собаки сапоги принялись топтать загоревшиеся уже наверхник и рубаху. Добрава закашляла, голова девицы кружилась. Наконец невесту убитого снова понесли подальше от пожара, и вновь увидели чистое розовеющее на закате небо измученные голубые глаза.

Когда девушка пришла в себя совсем, она с испугом посмотрела на своего спасителя. Сразу поняла она, что человек это знатный. На широких плечах лежал алый плащ-корзно, скрепленный золотой пряжкой в виде волчьей морды с разинутой клыкастой пастью. Белую рубаху прижимал к тонкой талии пояс, к которому крепились ножны и отделанный серебром охотничий рог. Волосы мужчины были светло-русыми, брови густыми, борода короткой. Длинные пальцы больших рук украшали золотые перстни. Рядом стоял холеный гнедой конь. Он тряс мордой, и на уздечке звенели серебряные бляхи. С хорошего седла на бока спускались стремена с серебряной насечкой. Там же крепилось длинное копьё. Возле хозяина вилась очень тонкая собака, почти совсем без паха, но с сильной грудью, легкими быстрыми лапами и длинной доброй мордой – борзая, или подарок купца или посла, или покупка за такие богатства, каких Добраве вовек не видать.

Умные серые глаза мужчины успокаивающе действовали на девушку. Видя, что она уже может говорить, но напугана или смущена, тот спросил голосом звонким, красивым и ласковым:

– Кто ты, милая?

– Добрава.

– Некрещеная?

– Вера в крещении. Только здесь до сих пор старыми именами величать могут.

– Что за место это, Добрава?

– Лисово. В десять дворов деревня... Батюшка-кормилец, напал на нас народ незнаемый. Никогда еще не было на деревню набегов. Все дотла сожгли, должно быть. Коли есть с тобой еще люди смелые, покличь их всех, догоните обозы, спасите в полон уведенных.

– Сколько же было врагов?

– Много. Не считала. Душа в пятки ушла.

– Ну, у страха глаза велики.

Мужчина затрубил в рог. Звонкий диковинный звук полетел куда-то через верхушки дубов и сосен. Собака встала так, будто приготовилась вот-вот легким ветром сорваться с опушки. Конь насторожился.

– Скоро будут здесь еще охотники. Родители твои где?

– Их в церкви зарубили. Враги в церковь нашу ворвались. Там моя свадьба была.

С искренней грустью посмотрел мужчина на девушку.

– Не печалься, Добравушка. Найдешь себе еще нового пригожего молодца.

– Да я его не любила, – бедняжка встала на колени, схватила спасителя своего за руки и заговорила быстро и горячо. – Не бросай меня, добрый человек. Возьми рабой к себе на двор. Горшки мыть буду, за птицей ходить умею, хоть овец пасти – только бы уйти из этих мест. Дом сгорел, родные мои уже у престола Божьего. Стань мне до конца заступником, не лишай своей милости! – и Добрава припала губами к его пальцам.

– Что ты, что ты! – ответил мужчина. – Князю своему служи...

Раздался лай собак и конский топот. Выехали охотники – все одетые скромно, только еще один, намного старше спасителя Добравы, был облачен в рыжее корзно с золотым шитьем и ехал на белоснежной кобылице с серебряными бляхами на узде. Всего не больше десяти человек и пятнадцати собак разных мастей. Один из охотников спешил и подбежал к Добраве и спасителю ее.

– Князь, напугал же ты нас своим отъездом!

Князь? Испуганная девушка отползла назад. И как ей дерзости хватило говорить с ним, глядеть в очи его ясные, целовать грязными губами руки его? Безумная! Что теперь с ней станется?

– Лисово сожгли! – обратился князь к спутнику в корзно, также спустившемуся на землю и спешащего к товарищу.

– Мы не видели дыма из-за деревьев! – ответил он, со злобой обводя глазами пепелище. – Кто спасся?

– Добрава. Я ее достал из горящей церкви. Остальных убили или угнали в полон. Кони у нас резвые. Обоз с рабами медленно движется. Мы успеем еще вернуть людям свободу, Ярослав.

– Кони наши и слуги утомлены охотой. Если убьют нас сегодня, кто Сорозкое¹ и Светлоровское² княжества защитит? Положим, у меня-то есть сыновья, а ты, Даниил, на мать хочешь ношу кинуть непосильную в тяжелое время?

– От набегов мы всегда страдали.

– Это не такой набег, от которого всадники бурей по земле нашей пронесутся и скроются снова в степи. Это кереды идут к землям нашим. Их владыка Бату-хан идет с великим войском на наши княжества.

– Мать моя тоже боится нападения, хоть наше княжество от степей и далеко.

– Мудра княгиня Евпраксия.

– Степные воины не сеют, не жнут, городов не строят, волками только рыскают, уж совсем дикие. Смогут ли взять укрепленные стены?

– Лучше все же быть наготове. Как вернемся в Ижеславец³, скачи сразу в Светлоровск, там собирай воевод и готовься к обороне. Я же велю Никите быть настороже и уеду в Сорозк. Не думал я, что Бату-хан соберется так скоро.

– Им бы до зимы успеть, чтобы не искать в снегу лошадям корма, – ответил Даниил задумчиво. – Вернемся скорее в Ижеславец.

Добрава сжала руки на груди. Неужели оставят ее здесь, на пепелище у леса, чтобы с ума она сошла холодной осенней ночью, вспоминая, как убивали в церкви людей? Взгляд ее испуганным зайцем скакал по собравшимся, прося дальше защиты, но охотники или отводили его в сторону, не в силах помочь, не будь на то воли господ, или не думали о беде девушки, поглощенные всецело видом сожженной деревни.

Уже легко вскочив в седло, князь Даниил обратился к тому из слуг, который первым подбежал к нему с упреком.

– Владимир, посади эту девушку на своего коня. Найдем ей пристанище у воеводы.

Задрожала тогда Добрава. Морской волной разлилась бы к ногам заботливого князя. В лесу еще стоял запах гари. К сиреневому небу тянулась тонкая струя дыма. Медленно падал на землю рыжий дубовый лист. Собаки и лошади шумно дышали. Дрожала голая ветка рябины, и красные ее ягоды совсем не были похожи на кровь. Кто-то сегодня умер. Кто-то сегодня родился заново в осеннем лесу. Добрава, в рваной одежде с обгорелым подолом, бедная сирота, теперь уже нищенка, дочь землепашца, полюбила молодого князя Даниила.

¹ Прототип – Рязанское княжество

² В честь озера Светлояр, прототипы – Черниговское княжество, Новгородское княжество

³ Прототип – Ижеславль, город в Рязанском княжестве

Глава 2

Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть.

Откровение святого Иоанна Богослова

Хоть Добрава раньше и не видела города, ничего не успела она разглядеть во время быстрой езды, да еще и по темным улицам. В широком дворе встретили их слуги, увели разгоряченных лошадей. Князя ушли по резной бревенчатой лесенке в воеводины палаты. Охотники особо ели на поварне. Владимир, с лукавыми глазами, молодой, красивый, играя ямочками румяных щек, обратился к полной девке с красным от печного жара лицом.

– Принимай, Людмила, находку нашу – князь Даниил Юрьевич велел.

– Ох, грязна! Иди, умыться налью, – захопотала Людмила у ушата, снимая с веревки чистый рушник. – Откуда такая?

– Из леса.

– А не волколак ли она? – спросила старуха, ставившая назад в печь горшок с душистыми щами.

– Помоги нам, Боже! – перекрестилась Людмила.

– Глаза бешеные, щеки вымазанные – кровь людскую пила, так еще и пришла из леса. Ты, Людмила, ей воды плеснешь, а она обернется волком, пополам тебя перекусит да в чашу дремучую ускачет.

– Бабушка, не волколак я. У нас в деревню хаживали звери с глазами ну чисто человеческими – будто душа там, печаль али радость какая. Мужики их палками забивали. Будь я волколаком, утопилась бы, чтоб зло великое не чинить людям.

– Эта пташка – волколак? Стыдно. Деревню ее враги сожгли, оттого она в крови и взята из леса. Из горящей церкви вытащил ее удалой мой князь, – возмутился Владимир, уже к столу отошедший.

– Осторожнее будьте. Волколаки хитры. Раньше жил у Никиты-воеводы Завид, с севера. Никому не говорил, как рабом стал, но трудился упорно, себя не жалел. Один раз пропал. А за амбаром нашли нож, в землю воткнутый. Мы его унесли. Три года не являлся на двор мужик, ведь искали его – не нашли. Догадались все же нож на место воткнуть. Вернулся домой пропавший – в шерсти волчьей! Хотели Завида зарубить топорами, да тот опять через нож перескочил – и был таков. А была у него невеста Милонегга. Столько ждала его, столько убивалась, а уж какие молодцы к ней ни сватались! После того, как правду узнала, пошла к венцу с другим. Постель молодым особо стелили – в хлеву. Тихой ночь была – и собаки не лаяли. А с утра оказалось, что мужа и жену волк задрал.

Слуги уже не говорили меж собой об охоте, а прислушивались к рассказу. Людмила, охая от были страшной, помогала Добраве умыться. Владимир прищурился весело, обернулся и сказал:

– То-то кабан сегодня от наших собак ушел. Не иначе как тоже человек, зверем обернувшийся!

Молодежь на поварне так и прыснула со смеху. Положил сердито ложку на стол седоусый, но крепкий слуга князя Ярослава Игнат.

– Не ко времени шутки задумал, да и не по делу. У нас в селе медведица по домам ходила. В одной избе семеро детей было. Спали все. Вошло чудище – на двух лапах. Колыбельную запело чисто бабьим голосом и понесло ребенка меньшого к двери, качая. Отец-мать просну-

лись, да пошевелиться не смогли от страха ли, от колдовства – не ведомо. Только стал младенец плакать. Положила его тогда в колыбель медведица и убежала, куда глаза глядят.

С чистым лицом села Добрава к столу – так случилось, что возле охотника немолодого – и обратилась к нему:

– Правда ли, что были волколаки раньше князьями нашими?

– Да. Но с приходом слова Божия не страшна стала людям их ворожба, и теперь прячутся последние из них в лесах дремучих.

– Я даже заговор от колдунов таких знаю, – сказала старуха, наливая щей в маленькую миску – для новенькой. – На море, на океане, на острове Буяне, на полой поляне светит месяц на осинов пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый, а в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит. Месяц, месяц – золотые рожки! Заостри мечи наши да топоры наши, направь стрелы в сердце волчье лютое, чтоб упал – не поднялся, а погиб навеки...

В это время спустился на кухню по лесенке князь Даниил. Одни заметили его, встали и поклонились. Другие, словами колдовскими увлеченные, остались сидеть. Нахмурил юный государь брови от речи старухи и прервал ее грозным голосом:

– Полно языком чесать, Малуша. Скоро будут битвы тяжелые, много народу поляжет. Кередов⁴ и Бату-хана бояться следует, идут прямо сюда несметные полчища.

Все притихли, опасаясь гнева княжеского. Найдя глазами за столом Добраву, Даниил улыбнулся скупно, но, видно, и не мог по-другому.

– Воевода разрешил тебе остаться служить у него на подворье, – и обратился к слугам своим: – Завтра же утром едем в Светлоровск. К первым петухам готовыми будьте.

Как же – завтра! Добрава опустила низко голову, чтобы не увидел никто, как падает слеза в наваристые щи. Неужели не увидит она никогда больше ласкового князя? Утомленная волнениями, за один день пережитыми, не могла она сейчас мысли свои собрать воедино. Понимала девушка только, что нет у нее ни семьи, ни кола ни двора, только послали ей силы неведомые любовь не земную, не небесную. И это отберут теперь? Кто? С иконы лицо с грустными глазами или древние богини, от которых у всех худое и доброе написано на роду? Ну уж нет. Добрава не рабыня. Уйдет она от Никиты в Светлоровск, будь он даже на горе далекой, за которую заходит по вечерам солнце.

Рядом хлебал щи Владимир. Остальные ушли готовиться ко сну. Только Людмила вытирала тряпкой доски столешницы, бросая на юношу нежные взгляды, да Малуша за печкой мыла горшки водой и речным песком.

– Далеко ли будет путь до Светлоровска? – спросила Добрава, собравшись духом.

– Ижеславец стоит на берегу реки Рюнда. Если подниматься по ней супротив течения, за неделю до Светлоровска доберешься, как раз через Сороцк.

– Как велик город твой? – влезла в разговор Людмила, и дрожавшая Добрава этому рада была.

– Разросся за несколько лет необычайно. Никогда не было это место богатым до того, как разумный Юрий Олегович не пришел к власти. Он устроил все так, что чуть выше ровных песчаных берегов завязалась бойкая торговля зерном и пушниной, а на вырученные деньги укрепил деревянный кремль камнем. Внутри под надежной защитой живут и работают искусные ремесленники. Особенно славятся у нас золотых дел мастера, чьи браслеты, перстни и бусы с гравировкой по серебру на черном фоне – чернью – или белой и ярко-красной эмалью заморские купцы с радостью и за большую цену покупают и увозят продавать к себе на родину втридорога!

– А дома какие в Светлоровске? Где пригожие боярышни живут?

⁴ Прототип – монголо-татарское иго

– Пригожей тебя, Людмилушка, нет, а строят у нас дома из крепких бревен. Двухскатные крыши венчают коньки – лошадиные морды и шеи, из-под которых со стыка вниз перед стеной свешиваются резные досочки, называемые полотенцами. Ставенки умельцы украшают фигурками петушков, цветов и солнца. У окошек часто ставят простые грубые лавочки, на которых вечером хозяева могут отдохнуть в тени под напуском крыши.

Бояре же живут в теремах за высокими заборами, из-за которых все равно видны диковинные крылатые львы с птичьими головами, выпирающие на бревнах из стен в некоторых местах. Стены наверху оплетены балкончиками, огороженными резными перилами – это гульбища. Как скачет князь Даниил с ловчими своими по городу, боярышни нарядные на гульбища выбегают и им, и нами, слугами его верными, любят.

Людмила, смеясь, замахнулась на него тряпкой. Добрава после слов о господине Светловском за весь вечер ни слова не проронила. Ночью, лежа на лавке рядом с другими служанками, тихо лила девушка слезы о погибшей семье, о сожженной деревне и о первой любви. Над Рюндой стоял густой туман. Потом холодный осенний дождь стучал в крышу деревянного терема. Плач Добравы другие слышали и, пожалев, не разбудили утром для работы – проводов князей и слуг их. Так и смотрела потом девушка из окна терема на серые воды Рюнды, будто забравшей последнюю радость.

Легка была жизнь в воеводином тереме после тяжелого труда в деревне. Одной бедой были лесенки узкие и двери низкие – входишь, в три погубели согнувшись, будто уже воеводе кланяешься, а коли поднимаешься и спускаешься, держа в руках ношу, поднимая подол одежды, то задеваешь локотками стены. Выдала Добраве ключница длинную белую рубаху, лапти с онучами, запону (кусок ткани с дыркой для головы посередине, с боками несшитыми) и поясок. Бегать по лестницам приходилось девице часто – ночевали прислужницы у поварни, а госпожа ее, дочь воеводы, на самом верху палаты имела. Совсем молоденькой была Феодора. Скучала она среди сундучков, расписанных птицами с желтыми, красными и зелеными крыльями, икон в золотых окладах, скрипучих колес прялок и гор пуховых подушек – маленькая сверху с кулачок величиной. Летом можно хоть на качелях над рекой покачаться или в лес выйти, собирать цветы лазоревые. Зимой запрягают в резные сани, выложенные внутри соболиным мехом, резвую тройку, и мчишься ты, румяная, по спящему городу, по распрекрасному лесу, по толстому льду Рюнды навстречу неведомому. Тоска осенью взаперти сидеть. Братья женились и жили в других теремах. Подруг-боярышень в Ижеславце маленьком не было. Старый вдовец Никита не любил веселья и смеха, в свободное время читал книги о божественном или беседовал со странниками.

Зашли раз на двор старик и два мальчика в пестрых рубахах под плохонькими армяками и с ученым медведем. Вся дворян сбежалась на них поглядеть. Даже Феодора по пояс высунулась из окошка светлицы. Заиграли скоморохи: дед на широких длинных гусях, медведь в бубен лапой бил, один отрок на круглой домре с длинной ручкой, а другой песню завел:

*Как идет к колодцу красна девица —
Очи косеньки, косы тоненьки,
Поднимается она на воеводин двор —
Ножки слабеньки, ножки хроменьки.
И как утица шагает – переваливается.
И вздыхает, сердечная, печалится.*

Выступила вперед Добрава, пальцами придерживая серый армяк на плечах. Истосковалась она по деревенским песням, по пляске веселой каждый теплый вечер.

Ой, скоморохи, люди добрые,

*Да по что же вы напраслину возводите?
А я девушка хорошая, приветливая,
Я приветливая да запасливая.
Есть в горшке моем каша с прошлой осени,
Накормлю-ка я ей вас хорошенечко!*

Засмеялись слуги, загоготали. Застучала по подоконнику от хохота даже Феодора. Улыбнулся старик с гусями. Продолжил отрок приятным голосом:

*До чего же девка говорливая —
Не дает закончить мне песенку!
Нападет пусть на нее во лесу медведь!*

Медведь вышел вперед, стоя на задних лапах, и закачался, притопывая ступнями тяжелыми.

А ему я коромыслом как по носу дам!

Добрава скинула армяк на руки Людмиле и принялась плясать, уперев кулачки в бока, а потом плавно отведя в сторону сначала правую, а следом левую руку. Выставила их перед собой, согнув в локотках, топнула по очереди обеими легкими ногами, покачала головой и закружилась – только понеслись по ветру полы белой рубахи. Все заахали, замахали красавице руками и платочками. Вдруг вышел на крыльцо сухой высокий Никита в медвежьей шубе и велел гнать скоморохов прочь. Феодору по спине ударил хорошенько, чтобы не глядела на срамные зрелища. Жаловалась потом воеводина дочка Добраве, взбивавшей ей на постели высокие перины:

– Мы с тобой как в монастыре живем, ей-Богу! Ой, сбегу я отсюда, непременно, скоро. В этом тереме грустно, как на панихиде...

А старая Малуша пугала людей на поварне:

– Разве медведю плясать положено? Что хочешь, выложу, а все-таки был сегодня у нас на дворе колдун, волколак. Быть теперь беде терему воеводиному...

Глава 3

На кого же положиться теперь, когда такие верные псы уходят?

А. Н. Толстой, «Петр Первый»

Сильная маленькая рука резко отодвинула занавеску из войлока. Невысокая девушка покинула юрту-купол, бежевую, с двумя широкими черными полосами и белыми узорами на них. Два воина в крупных шапках с меховой опушкой и теплых халатах поклонились госпоже и приготовились сопровождать ее, но та лишь покачала головой и обратилась к одному из них:

– Толуй, вели седлать мою кобылицу. Как вернусь от Абукана – поеду к отцу.

Широкими шагами девушка двинулась к другой юрте – белоснежной, с вышивкой, сделанной золотой нитью и алым шелком, у входа в которую были воткнуты копыя. На них развевались на осеннем ветру конские хосты. Возле входа в жилища Абукана – старшего сына Бату-хана – стояли четыре воина, и все они поклонились пусть и нелюбимой, но сестре своего господина.

– Бортэ-ханум, не велено никого пускать.

Девушка поджала губы и нахмурилась. Будто всю чужеземную красоту впитала она в себя. Тоненькая и легкая, как степная птичка, с загорелой то ли желтой, то ли коричневой кожей, узкими, но от этого не менее выразительными карими глазами и бровками, будто нарисованными одним взмахом тонкой кисти, как причудливый китайский иероглиф. Густые черные волосы, заплетенные во множество косичек, змейками спадавших по плечам и груди, отливали синевой. Зеленая шелковая рубаха до щиколоток была украшена снизу и по рукавам воланами. Воротничок застегивался золотыми цветами, и от него на грудь спускалось пять цепочек с драгоценными изумрудами на концах. На девушке был также темный короткий кафтан без рукавов, украшенный желтой тесьмой и монетками и отделанный рыжим лисьим мехом. На ножках ладно сидели узорчатые сапоги с приподнятыми носками. Торчавшие из-под подола рубахи шаровары спасали от холода резвые ноги.

– Это важно!

– Нельзя пустить тебя в юрту, госпожа. Уходи. Мы скажем Абукану, что у тебя есть до него дело. Хан сам приедет к тебе.

– Опять у него братец Сартак? – спросила девица, коней чужих у входа ища глазами. – У меня и ему найдется, что сказать.

– Обожди. Нам с тобой и говорить-то не велено.

– Хорошо же! – Бортэ развернулась и пошла якобы к кухне, где под сводами войлочного шатра пекли хлеб-икмэк и варили суп-токмач с уткой для господ и их приближенных. Однако, обогнув юрту, вкусный запах из которой заставил девушку сглотнуть набежавшую слюну, ханум повернулась к черному входу в чертоги старшего брата. И там пеструю войлочную завесу охраняла пара воинов. Рядом с ними, сдвинув на лицо шапку, будто прячась, стоял слуга с двумя коротконогими пузатыми бурыми лошадами с жесткими черными гривами и хвостами. Осторожно девушка подобралась поближе и стала ждать. Вскоре из юрты выскользнула тонкая высокая женщина с замотанным лицом и в скромной одежде служанки. Незнакомка забралась в седло с неловкостью непривычного человека. По посадке Бортэ быстро узнала Балендухт – родственницу царя Картли⁵, выросшую во дворце и до свадьбы с младшим сыном Бату-хана Джучи не садившуюся на спину даже самого смиренного коня. Но что делала

⁵ Прототип – Иберия

она в ранний час в юрте Абукана? Когда всадники отъехали, девушка подошла к входу и попросилась снова. Теперь ее пустили внутрь.

Пол юрты был покрыт пестрыми коврами с грубыми узорами в виде лошадей, птиц и степных цветов. В центре в сложенном из камней круге горел огонь, а дым от него шел к дыре без войлока в самом центре купола жилища. По стенам висели в золотом украшенных ножнах и колчанах острые сабли и тугие луки – лучшие образчики оружейных дел мастеров покоренных народов. Везде у стен по кругу лежали пестрые мягкие подушки с мохнатыми кистями. Широкая постель Абукана – деревянный резной каркас, заваленный перинами и шкурами диких зверей, крохотный низкий столик, на поверхности которого остались следы ночного пиршества – кубки с недопитым вином и ломти недоеденной баранины – и два больших сундука, прятавших в недрах нарядную одежду хана, были в юрте единственной мебелью. Сам хозяин в тонкой шелковой рубаше еще нежился под беличьим одеялом, вспоминая, конечно, нежные руки Балендухт, а может быть, прелести других наложниц, живших в соседних юртах. Мимо него плыл легкий дым – Абукан любил восточные ароматы, и у постели его вечно ставилась курильница для благовоний из бронзы в виде толстого длинноногого дракона с задранной огромной головой и разинутой пастью. Бортэ осторожно ступала по коврам. Вдруг она дернулась, наклонилась и подняла что-то.

– Сережка выпала, – ответила девушка на вопросительный взгляд брата, пряча в карман на боку крупную плоскую серьгу с круглым верхним и заостренным нижним концом – какие носили в Картли и Балендухт привезла с собой как любимые украшения и часть приданого.

– Редко заглядывает в юрту такое солнце, как ты, сестра, – приветствовал ее Абукан насмешливо.

– Встань и говори со мной как с равной тебе. Я не мальчишка Сартак, чтобы одни взгляды твои ловить, как пес хозяйскую подачку.

– Лучше ты сядь на подушки. Скоро прибудем туда, где по несколько суток придется не вылезать из седла.

Бортэ наклонилась к брату так, что цепочки на груди зазвенели.

– Ничего не имеешь сказать мне?

– О чем толкуешь? – Абукан поежился.

– Твои люди мою рабыню Горинку зарубили ночью.

– Ай-яй-яй! Ворвались к тебе в юрту?

– Нет, – Бортэ видела, что он издевается.

– Правильно. Убили ее за пограничными кострами. Убежать хотела из лагеря нянька твоя. Видать, прямо в Сорочкие земли, к своим.

– Почему не поймали ее, не привели ко мне? Я сама как хозяйка наказать должна была со всей строгостью.

Абукан поднял чашу с недопитым вином и отхлебнул немного.

– Скоро, сестра, будет у тебя столько рабынь со светлыми косами, что устанешь всех наказывать. А пока вернись в юрту и займись хоть рисованием, или чему тебя учило это старое пугало Донгмеи⁶?

Лицо Бортэ посерело.

– Как смеешь ты, пес, говорить такое о дочери неба, царевне Хуа-го⁷?

– Как смеешь ты, девка, грубить мне? – Абукан рассердился.

⁶ По-китайски «зимняя слива»

⁷ Прототип – Китай

– Моя мать Лан⁸ прибыла к отцу с караваном богатых даров и была ханшей. Твою мать приволокли за волосы на пир и бросили хану под ноги, как последнюю рабыню. Она ютилась с другими наложницами самого низкого звания!

– Что же ты хочешь сказать?

– Ничего, братец любезный, – почти пропела Бортэ медовым голосом.

– Змея!

– Не бранился бы ты лучше со мной, Абукан, – погрозила ему девушка тонким пальцем.

– Отец тебя слушает, Бортэ. Но он не вечен. Может случиться так, что попросишь ты моей защиты, моих милостей. Не быть тебе ханом, не вести людей в бой. Уж поверь, Горинке ты позавидуешь, коли я стану над всеми. Никого жалеть не стану.

– Родился рабом, рабом и умрешь, – сверкнула глазами ханум.

Она выскочила из юрты и быстрым шагом двинулась к себе. Толуй уже держал за уздечки двух заседланных лошадей, но разгневанная девушка не заметила этого, мимо пролетела, вихрем ворвалась в юрту, где две служанки взбивали подушки у стен, и закричала: «Прочь!»

Жилище Бортэ отличалось от того, что устроил себе брат ее. Слишком долго делила девушка покой с царевной Донгмеи из Хуа-го. Все предметы в юрте были трех цветов: красного, желтого и черного, только белели кое-где бесценные фарфоровые вазы с голубыми цветами, зелеными драконами и пестрыми длинными птицами. На жердях, поддерживавших войлочную крышу, висели круглые алые фонари. Стены были украшены веерами с письменами, понятными только Бортэ, или тиграми, крадущимися по пушистым сосновым веткам, и блестящими от лака ширмами, где в причудливых горах прятались дворцы с изогнутыми крышами. На одном из сундуков стоял портрет Донгмеи, написанный придворным художником еще до ее отъезда с младшей сестрой к Бату-хану. Даже искусный живописец не нашел ничего красивого в лице этом узком, длинном, покрывшемся прежде времени морщинами глубокими. Волосы выпали еще в детстве от какой-то болезни, и царевна из Хуа-го носила парики. Уши ее от «причесок» еще сильнее поднимались к щекам. Только умные черные бархатные глаза могли пленить чье-нибудь сердце. На счастье гордой Донгмеи, в юрты Бату-хана свозили всех чудесных красавиц покоренных народов, так что ничего не отвлекало ее от воспитания любимой племянницы Бортэ. Это она учила девушку рисовать, хоть бумаги в походе достать было негде. Рядом с портретом стоял сделанный на дощечке рисунок: хитрая рыжая лиса в ледяной избушке. Ханум никогда не видела избушки. Что это? Пришлось делать избушку похожей на дворец с ширмы Донгмеи. Только Горинка смеялась и говорила, что получилось совсем не то. Горинка!

Бедная Бортэ присела у огня и зарыдала. Светлые косы, грустные зеленые глаза, нежные руки, голос звучный, диковинный. Няня пела, и это так отлично было от других песен в юртах Бату-хана, что девочка забывала об игрушках и слушала, разинув крошечный рот от удивления и восторга. Плела Горинка Бортэ сложные косы, вышивала ей алыми нитями шелковые рубахи, мастерила кукол из соломы и лоскутков. Когда меньше чем за год сторела Донгмеи от неведомой болезни, только няня, немолодая уже, удержала от безумия и отчаяния юную госпожу свою. Из ее рук без страха брала ханум пищу, с ней одной могла поделиться тем, что на сердце утаено. Постель Горинки была в юрте ханум, и подушки мягкие и одеяло беличье, дорогое, хранили очертания тела предательницы. Ни в чем не знала недостатка рабыня, служа дочери бога на земле. Бортэ посмотрела на строгое лицо Донгмеи:

– Может, хоть тебе ведомо, отчего няня моя выбрала лютую смерть?

Но надо было торопиться. Отодвинув портрет, открыла девушка сундук и вынула оттуда золотую шкатулку, выудила крохотный фарфоровый бочонок с лягушкой и подцепила оттуда пальцем мазь. Вдохнув запах трав с далеких гор, ханум стала втирать лекарство в щеки, чтобы

⁸ По-китайски «орхидея»

скрыть красные пятна. Вскоре она уже вышла к стражникам, лошадям и прислужницам. Тщеславие от поклонов их стало бальзамом для гордого сердца.

– Почистите постель Горинки и уберите в сундук. Ей больше ничего не нужно, – велела она рабыням спокойным голосом. – Толуй, мы поедем к Бату-хану.

Горячий и нетерпеливый Абукан, известный своей жестокостью, вел передовые отряды. Осторожный и медлительный Джучи прикрывал тыл. Сам владыка вселенной с основными силами шел внутри этого кольца, и путь Бортэ к отцу лежал через весь лагерь. Тысячи и тысячи удобных юрт с воинами и их женами, детьми и рабами тянулись бесконечными рядами, и между ними бегали собаки и приготовленные на заклание овцы. Там же ребятишки играли в войну, скача на деревянных палках-конях, или учились стрелять из луков разного размера по возрасту – с трех лет – под присмотром дедов. Женщин видно не было – они еще стряпали на кострах из сухих лошадиных кизяков. Мужчины, устроившиеся в очень теплое осеннее утро на шкурах звериных возле юрт, чистили кривые сабли, пробовали пальцами тугую тетиву луков смертоносных, чинили уздечки лошадям и обсуждали весело будущую богатую добычу – золотом увешают они жен и наложниц своих, продадут за синие моря грустных дев со светлыми косами, в работе скорых да прилежных, украсят стены жилища оружием новым да крепким, выведут овец пастись туда, где раньше стояли высокие стены белокаменные... Были еще большие телеги для перевозки домашнего скарба, войлока и шестов в походе. Обычно рядом стояли юрты одного племени, и символ их – хвост зверя или кусок ткани – вился высоко в небе, как рыбка в пруду, привязанный к копыю или высокому шесту. Особо выделялось жилище главного над десяткой, сотней или тысячей воинов – там стояли охранники, рабыни или кони привезших донесения о прошедшей ночи. И так – насколько хватало глаз. Завидев Бортэ, все бросали свои дела и низко кланялись ей как дочери грозного и могучего хана. Девушка проезжала мимо них, ласково улыбаясь, хоть больше всего ей хотелось сейчас предаваться горю наедине. Она знала, что от имени ее отца трепещут даже опытные воины, но понимала также, что любовь народа к себе может заслужить не строгостью и подвигами ратными, но красотой, добродушием и щедростью. Наперерез гнали огромный табун кобылиц Бату-хана. По одному движению легких рук Бортэ – наездницы опытной (даже старики одобрительно кивали, глядя ей вслед) – лошадь остановилась как вкопанная. Красавица сделала знак Толую, скакавшему из приличия поодаль, подъехать ближе. Невыносимым было одиночество и молчание. Желала девушка развлечь себя разговором.

– Ты встречал воинов из Сорочка?

– Только раз в степи, ханум, но тогда нам не велено было начинать бой. Эти мужи высоки ростом и все носят кольчуги не из пластин, как наши воины в сражениях, а из железных колец.

– Я видела Сорочкое княжество на карте, Толуй. Были у нас враги и посильнее.

– А какое войско собрал Бату-хан! Сколько нас – разве считаешь? Это как звезды на небе.

– Надо считать. Более пятидесяти тысяч.

Можно было продолжать путь, но разговор обещал быть интересным, и ханум пустила лошадь шагом.

– Далеко отсюда есть большая земля. Там только степь, куда хватит глаз. Без рек, без лесов, без гор... Летом там трава не зеленая, как в княжествах, а всегда сухая, будто выжженная жестоким солнцем. Зимой дуют сильные ветры и выпадает глубокий снег. Только стада пасутся на этих просторах. Другие народы пашут землю, но у нас ничего не растет! Они строят корабли и торгуют с соседями, но у нас нет ни рек, ни синих морей. Они богатеют, а мы бедные и дикие, как много веков назад. Но разве мы звери, разве мы не хотим жить, не опасаясь голодной смерти или непогоды? Разве мы не хотим, чтобы дети наши ходили в шелках и золоте, ели сладко и видели большее, чем родную суровую степь? Нужда заставила нас сесть на лошадей и луками и стрелами добывать себе беспокойное лукавое счастье! Ни на что другое на свете

этом не похожи наши станы. Дети растут, каждый день видя кровь. Утром жены и невесты провожают любимых на бой, не зная, увидят ли их вечером живыми. Седые старики тоже ждут с тревогой: погибнет кормилец – горе семье, может ведь остаться на просторах чужих земель и в окружении врагов беззащитная юрта. А в ночи, когда горят пограничные костры, криками степных птиц раздаётся плач об убитых. Но и эта жизнь милее той, которую еще деды наши оставили. Ведь когда-нибудь перестанем мы гнать коней и искать свое счастье, да, Толуй? Мы почти поймали его.

Воин цокнул языком, удивляясь красноречию ханум.

– О чем задумался?

– Пусть тебя судьба хранит. Я бы рад был в бою пасть, кабы знать, что хотя бы для тебя одной будет потом счастье.

Девушка взглядом добрым окинула Толуя, всегда сдержанного, задумчивого, изредка смотревшего на госпожу свою с участием человека родного и болью от тяжелой потери, которая уже никогда не забудется.

У Золотой юрты – жилища, золотыми пластинами покрытого – Бортэ спешила и, пройдя к отцу, изящно перед ним склонилась. Бог на земле, владыка вселенной был уже далеко не молод. Солнце его клонилось к закату неумолимо, и словно от этого проливал он с каждым годом больше крови, выкупить надеясь у хозяина царства мертвых Эркиг-хана еще хоть день, хоть час жизни. Суровое, равнодушное, будто опухшее лицо Бату-хана сохранило остатки былой красоты. В густые черные волосы вплетал он золотые монеты, звеневшие при каждом движении головы. Халат багряный с золотыми птицами обтягивал толстое тело, а пухлым ступням, казалось, тесно было в узких зеленых туфлях носками вверх. Однако была в хане дикая, страшная сила. От удара одной руки его падали кони. На своем любимце, гривастом Салхи⁹, без труда обгонял Бату самых легких и опытных воинов. Умный, хитрый, устали незнающий, он один мог собрать огромное войско.

– Долго же ты спала сегодня, Бортэ, – сказал он ей.

– Случилась беда, отец. Няня моя пыталась убежать. Я хотела наказать ее по всей строгости, но люди Абукана зарубили Горинку. Вдруг теперь все рабыни от меня сбегут? Легкая смерть ничто в сравнении с карой жестокой.

– Не тем сейчас голова твоя забита. Джучи никак не подтянет войска хана Мунке, потому мы еще не напали со всей силой на города белокаменные. Мне донесли, что князя Сороцкого люди сюда путь держат. Как с послами поступим, Бортэ?

– Устроим им пир, на пиру же устроим послов так, что убьют они сами надежду в сердцах защитников Ижеславца, Лопастны¹⁰, Поронска¹¹, Росьтовца¹², Ужеска¹³ и Сороцка, – ответила девушка, внимательно изучая карту на куске шелка на стене юрты.

– Приготовь все к пиру и моей встрече с послами, дочь, – повелел хан Бортэ, и она поклонилась с довольной улыбкой.

Вечером Бортэ расчесывала прямые жесткие волосы гребнем из слоновой кости. Служанка принесла ей копченую баранину и кумыс. Красные фонари под потолком светили неярко, и крупные тени лежали на плечах и груди госпожи, на желто-коричневую кожу, видную из-под расстегнутой на груди рубахи. Измученная страданиями утренними и приготовлениями, Бортэ была как бы в полусне. Взглянув на рабыню, она удивленно подняла тонкие брови.

– Где же Горинка?

⁹ По-монгольски «ветер»

¹⁰ Лопасня, город в Рязанском княжестве

¹¹ Пронск, город в Рязанском княжестве

¹² Ростовец, город в Рязанском княжестве

¹³ Ожск, город в Рязанском княжестве

– Убита, – девушка отвела взгляд, боясь увидеть мучения ханум своей.

– Вспомнила. Уходи. Почистите с утра завтра мое парадное одеяние и приготовьте корону ханши Лан.

Служанка поставила поднос на низкий столик, поклонилась и вышла. Бортэ принялась задумчиво есть, глядя на портрет Донгмеи и лису в ледяном дворце.

– Была у заюшки лубяная избушка, а у лисоньки ледяная... Где же ты, Горинка? У Эрклиг-хана, где мертвые ставят свои юрты в степи черной, будто сожженной? Там буду я – и скоро, если Абукан поторопится. В шести дворцах у Желтого подземного источника обитаешь ты, тетушка. Не жизнь земную – вечность тебя не встречу. И у Горинки свой бог. За что же я теперь навсегда одинокая?

Ханум заплакала снова, размазывая пальцами с золотыми перстнями горькие слезы по щекам.

Глава 4

Все, что только было в Риме выдающегося богатством, умом или красотой, ожидалось на этот пир, равного которому не было в истории города.

Генрик Сенкевич, «Камо грядеши»

В стан Бату-хана прибыл сам князь Ярослав. Немолодой, степенный, речами разумными надеялся он договориться с врагами. Из Сорочка провожали его жена, дочери и сыновья с плачем, как на верную смерть. По осенним холодам ехал он среди юрт в рыжей шапке с бобровой опушкой и легкой шубке на куницыном меху, покрытой рыжим бархатом шитьем золотыми и голубыми нитями. Длинные рукава спускались лошади на бока и шею, но в них были прорези для рук, и видели сбежавшиеся дети, отцы и матери их зеленый атлас княжеского кафтана. Тихо ржала и фыркала белая кобылица, звуками и запахами лагеря напуганная. Звенели серебряные бляхи на узде ее. Чуть позади вез благообразный юноша стяг – легкого золотого ангела на алом поле. Два витязя в кольчугах из колец мелких, шлемах с острыми маковками и зеленых корзно ехали следом на сильных конях. Два боярина в шубах и шапках, на княжеские похожих, сопровождали государя своего. Держались они особо, тихо промеж собой беседуя, но слуги их, в поход опасный взятые, с тоской и тревогой смотрели на бесконечные юрты и любопытные загорелые лица с узкими карими глазами. В трех повозках везло посольство дары Бату-хану и семье его – воск, мед, сладкие вина, пушнину, золото и серебро. В конце отряда ехали витязи во всеоружии, будто закованные в железные клетки.

Всех отвели к Золотой юрте, помогли взять кое-что из телег. Оставив слуг с охраной малой возле коней и добра, князь с боярами и витязями зашли в жилище Бату-хана. Было там темно и тихо, будто не ждали здесь никого. Но только упал за последним гостем занавес, музыкант невидимый дунул в трубу. Тяжелый громкий звук прошел, как ветер, и задрожали после него, как листочки деревьев, нежные мелодии флейт. Под самым потолком легкие, как снежинки, юноши в красных, желтых и зеленых рубахах с узкими рукавами, темных штанах, но босые, зажгли десятки алых фонарей, и перед князем с приближенными предстали ряды блестящих от лака ширм. Еще раз прозвучала труба, и юноши с ловкостью и грацией птиц степных соскочили вниз. Под дробь барабанов стали они отодвигать переносные перегородки, открывая важных в войске ханов по чинам от низшего, сидевших почти у входа, до высшего – в глубине юрты. Только одна ширма, покрытая позолотой, на которой будто бы дрались свирепые львы, осталась на месте. Хань в широких пестрых халатах и острых шапках с полосой густого меха по краю сидели неподвижными идолами. Под тревожные звуки смычков, водимых по тугим струнам моринхуров, и пение горловое вбежали в юрту те красивые наложницы Бату-хана, которые найдены были им в племенах народа его и возвеличены за красоту и нежность. Невысокие, тоненькие, в алых и синих юбках и кафтанах, расшитых золотом, в драгоценных ожерельях, браслетах и с перстнями, присели они на свободное место в середине, у огня, и стали водить поднятыми вверх руками, а потом встали и пошли, то мелко дрожа бедрами, то кружась так, что поднявшиеся юбки открывали вид на шаровары. Улыбаясь всем, подошли танцовщицы к оставшейся ширме и унесли ее.

Бату-хан в халате цвета плода граната, вышитом золотом, огромной высокой шапке с меховой опушкой и маленьким хвостом, привязанным к острой верхушке, длинноусый, но без бороды, сидел напротив входа в юрту на низком деревянном диване, заваленном парчовыми подушками. Справа от отца устроился Абухан в синем халате с узором в виде павлиньих перьев, безусый и с короткой бородой. На брата старшего смотрел восторженно отрок круглолицый в одеждах светло-серых, почти белых, серебром и золотом шитых – наивный,

зла не сделавший еще никому Сартак. Слева усадили Джучи, гололицего, похожего на отца и брата, в фиолетовом халате с белым поясом. На пир привез он и жену свою. Смуглая и черноглазая Балендухт сидела в голубой рубашке с воланами и желтом жилете, вышитом серебряными цветами. Но чуднее всего был ее головной убор – волосы скрывал колпак цвета ясного неба с нашитыми золотыми бляхами. По бокам от висков до подбородка крепились огромные толстые деревянные круги с искусной резьбой, покрашенные в голубой и белый. По щекам, вдоль шеи и на плечи спускались пучками пестрые ленты, на концах которых висели тяжелые ромбы, отлитые из золота¹⁴. Балендухт удивляла, но затмить собой любимую дочь хана, сидевшую между Бату и Джучи, не смогла. На Бортэ-ханум была пунцовая рубашка с зеленым узором, такая длинная, что торчали из-под нее только коричневые сапожки с носками вверх и красным орнаментом. Плечи поднимались из-за пурпурного короткого кафтана. На груди лежало семь крупных ожерелий, нижнее из которых золотыми цепочками-змейками по спине и животу спускалось. Но не это было главным. Удивила всех гостей прическа-халха в виде крыльев птицы хангаруди. Волосы были собраны назад и поделены пробором, после чего закрепили в них прислужницы две плоские огромные костяные пластины, вниз дугой уходящие, золотыми полосами с рубинами, красными, как драконий глаз, украшенными. С концов на грудь и живот легли алые ленты и нити бус коралловых. В два раза шире плеч девушки была ее прическа. Между «крыльями» закрепили маленькую корону нежной ханши Лан: девять алых птиц и двенадцать золотых драконов будто играли друг с другом над черными волосами госпожи.

Князь Ярослав и спутники его поклонились Бату-хану. Бортэ старательно перевела их приветствие и отцовский ответ:

– За чашей вина на пиру все решим.

По хлопку господина принесли слуги диваны для гостей. Остальные ханы потеснились. Случилось князю Ярославу и боярам его сидеть напротив Бату-хана и Бортэ. На низкие столы поставили блюда: и сушеный творог арул, и мясо козы, запеченное в желудке, – бодог, и мясо в тесте, сваренное на пару – бузы, и пирожки с мясом хушур, и черный мясной бульон – хар шул, и кобылье молоко – кумыс, и сушеные фрукты, и сладкие вина. Бату-хан был доволен пиром. Знал он, что дочь сбилась с ног, но видел восторг и изумление на лицах послов и ликовавал еще больше. Бортэ ничего не ела. Она только пробовала по кусочку все блюда, чтобы убедилась гости из Сороцка, что нет там яда, да переводила слова отца и князя Ярослава.

– Если согласны вы жить с нами в мире, не ходить с войсками в степь и пустить купцов моих по своим рекам к морям синим, уведу людей своих я, не будет битв кровавых и городов сожженных, – важно вещал из-под меха шапки Бату, держа кубок в руках, блестящих от жира и масла с яств.

– Хотим жить с вами, кередами, в добром соседстве и любви. Прими, хан, от нас дары богатые: меч длинный с рукояткой позолоченной, алыми да лазоревыми яхонтами усыпанной, – и блестели над столом десятки рубинов и сапфиров, – два сосуда серебряных с узором искусным, парчу тяжелую на халат, шубу на меху горностаевом...

Хозяин шурился довольно, оценивая подношения.

– Жене твоей привезли мы блюдо чистого жемчуга, – говорил князь певуче, а слуга его протянул Бортэ круглый большой поднос, на котором белели нежные крупные камни, от природы ровные и круглые. По знаку ханум к ней подскочила прислужница и помогла пересыпать дары в мешок.

– Это дочь моя, – ответил Бату, улыбаясь. – Никак мужа ей не найдем. Хочешь взять ее в свой терем в Сороцке?

– Уж два десятка лет, как женат я, благодарствую. Нам одну супругу иметь Богом дозволено.

¹⁴ Прототип – дама из Эльче, автор понимает принадлежность убора прошлому Испании, а не Кавказа

– Увези ее для сыновей.

– Все трое уже обвенчались с подругами по сердцу.

Бортэ нимало не смущалась, переводя это. Абукан же кровожадно раздул ноздри. Точно этим людям не уйти живыми с пира. Во всех юртах говорили о красоте дочери хана. Ходила девушка везде с малой охраной. Еще только начала расцветать юная госпожа, как один неразумный страж жилища красавицы попытался ее похитить. Подхватил легко на скаку... и упал. Шею ему проткнул маленький кинжал, а Бортэ направила коня к жилью отца и сообщила об этом. Родственников убитого выволокли из юрт, вещи их забрали в казну. Мужчин к лошадиным хвостам привязали и отпустили кобылиц в чисто поле. Женщин забили плетьюми. Детей продали в рабство в далекие земли. Голова похитителя на копье долго стояла над жилищем ханум, заставляя гаснуть пылкие чувства будущих женихов возможных. Год назад сватался к ней царек покоренных Бату земель. Дворец его сожгли, самого государя казнили прилюдно, забив плетьюми и отрубив голову, а сестер, мать и теток отдали знатным войсковым чинам на поругание. Как дым в горящей степи, горька была любовь к ханум.

Бортэ закончила сыпать жемчуг. На дне блюда увидела она три фигуры. На высоком троне сидел князь в длинной одежде и с соколом охотничьим, раскинувшим крылья. Рядом с ним была женщина в венце, покрытом платом, и лоруме – шарфе из парчовой ткани, уложенном на плечах, груди, животе и согнутой левой руке. Чуть поодаль, особо от них, стояла девушка в высоком кокошнике и с длинной косой. Невольно погладила Бортэ тонкими пальцами эту одинокую фигуру. По кайме блюда шла витиеватая надпись – но не умела читать Горинка, не учила она тому и воспитанницу свою.

– Князь Ярослав, кто это?

– Светлоровская княжна Агафия.

Бортэ передала поднос прислужнице.

– Отчего не взял ты с собой жену и невесток? – спросил Бату-хан.

– Наши княгини в теремах сидят, по хозяйству хлопочут, покровы в церковь вышивают, далече выезжать им не положено.

– А дочери у тебя есть?

– Молоды они еще, – отвечал князь, с тревогой наблюдая за пьянеющим Абуканом, видно, в мыслях уже ласкавшим голубоглазых дев.

– Привез бы девок своих в наши юрты! – влез он в разговор гостя с отцом, и Бортэ перевела это, спокойно сидя каменной статуей.

– И то верно! Докажи, что мир между нами – отдай нам женщин из дома твоего. И вы, бояре, подарите людям моим по жене али дочери. И вы, витязи. Берите взамен любых женщин из нашего стана.

Притихли все пирующие от таких слов Бату-хана. Побледнели князь Ярослав и спутники его. Поняли, что грозила им гибель вдали от родных и теремов богатых. В головах их мешались и запахи угощений, и свет от костра и фонарей круглых, и пестрые наряды кередские, и слова молебнов в Сорочке о ниспослании им переговоров удачных, и серое небо осеннее. Бесом рогатым казалась им Бортэ, ничего будто не чувствовавшая. На отца ее и взглянуть боялись. Джучи, Абукан и многие гости потянулись под полы халатов, где сабли были спрятаны. Балендухт со страхом глаза опустила.

– Зарубить собак! – закричал Бату-хан диким голосом, взмахнув рукой. Тут же кинулись кереды на немолодого князя, бояр и дружинников, нанося удары. Упала с дивана перепуганная царевна из Картли. Мучительно сжала губы Бортэ. Ее мутило. Но не должно дочери ее отца бояться. Сидела она, прямая, видя, как калечат и убивают людей, как живым еще отрубают ноги и руки, как льется из глубоких ран кровь на ковры персидские и подушки парчовые, как пытается боярин спастись, прикрываясь телом в кольчуге крепкой, как кричат все, стонут и беснуются. Голова князя с глазами открытыми, с разметавшимися по полу кудрями, лежала

у стола. Не было на лице ни страха, ни страдания, ни тревоги – только покой. Не оттого ли казалось оно чужим седоусому Игнату, когда подтащили связанного слугу Ярослава за волосы к Бортэ?

– Скачи в Сорочк, – медленно перевела она. – Кланяйся князьям и боярам. Пусть ждут нас.

За юртой слышались еще вопли избиваемых – тех, кого оставили сторожить дары.

Бортэ откинулась на подушки, чтобы не видел никто, как трясло ее. Мимо прошел Абукан, взглянув на нее зло и насмешливо, свысока. Он упивался убийством и кровью, будто для него принесли сейчас эту жертву. Приоткрыв веки, сквозь ресницы пушистые глядела ханум на него, чувствуя, что не будь здесь отца, девушку постигла бы участь князя Сорочкого.

– Утомилась, сестра? Не проводить ли тебя до юрты? – спросил он с издевкой.

– Помоги Балендухт, – кивнула Бортэ в сторону невестки, куклой безжизненной на полу лежащей, встала, подобрвав подол рубахи, чтобы не запачкать ее в крови, подошла тихонько к Джучи и в сторону его отвела.

– Сердце радуется, когда смотрю на тебя, братец. О тебе вздыхают все рабыни в моих юртах. Говорят, что в седле ты держишься Абукана искуснее, лицом ты пригожее, в обхождении с другими ласковее.

– Ой, так ли? – улыбнулся самоуверенно младший сын Бату-хана.

– Печалится: «Жалко, что женился он рано, да наложниц после свадьбы брать к себе перестал. Иная бы ноги за это целовала мужу. Но не Балендухт!»

– Ты к чему ведешь, Бортэ?

– Нет дыма без огня.

– Сама знаешь, пытки и казнь того ждут, кто к жене или рабыне ханской притронется.

– Едва ли пытками тут обойдется....

– Кто он? Что разузнала ты?

– Балендухт видели рано утром у юрты Абукана. Вот серьга ее – нашла там на ковре, – осторожно протянула сестра брату плоский кусочек металла.

Джучи от гнева изменился в лице и пошел к жене, которую приводили в чувство рабыни. Абукан же беседовал с Бату-ханом, даже не глядя на любовницу свою. Прислужники уже начали выносить тела и отчищать кровь с ковров и подушек. Сартак, все еще с наивностью в глазах узких, с улыбкой безмятежной (как дитя, не горюющее оттого, что кот мышь поймал), обратился к сестре:

– На княжне какой-нибудь меня здесь женят, я слышал.

– Не рано ли? Абукан свободным ходит, а даже меня старше. Люди говорят, красавица хороша, пока не стала женой...

– ... а лисица – пока не убил ее, – ответил Сартак, веки прикрыв.

Внутри у Бортэ все похолодело. Заговор, что ли?

– С другой стороны, плохой муж для своей жены всегда герой, – продолжил отрок, на Джучи и Балендухт глядя. – А мне приснилось, что ты молоко пролила – худая примета.

– Пока хан в здравии, будет нам всем счастье.

– Бортэ, хан на спину себе слишком много взвалил. Надорвется, упадет – и все рассыпется. А наследникам тащить это в разные стороны...

– А если одному наследнику? – спросила Бортэ безучастно, отводя в сторону глаза горящие.

– В мирное время ни одному человеку такими просторами в одиночку не владеть. А военные походы вечно длиться не могут. Абукан со мной часто спорит про это.

Что лукавый отрок задумал? Почему сейчас, когда хан в силе и здравии, разговор этот зашел? Но девица ничем не выдала душевных терзаний своих. Она улыбнулась и собралась ответить шуткой, но Абукан уже подошел к сестре и брату.

– Идем, Сартак. Бортэ к себе отец требует.

Ханум поспешила к Бату, на нее глядевшему жадно, будто что-то в лице ее искавшему. Обогнув выносивших диван людей, девица возле родителя своего остановилась. Тень улыбки на губах алых заиграла – ожидала красавица похвалы за беседу с князем Ярославом.

– Абукан сказал, что нашел три повивальных бабки, что при родах твоих должны были глаз с жены моей не спускать, да тетка Донгмеи их вон прогнала, только головка показалась. Думает, что ты подкидыш, – сказал Бату-хан, хмурясь.

– Раньше это надо было говорить, пока я в колыбели лежала. Я в тебя, отец, умом – а в кого у нас Абукан такой – непонятно, – ответила дочь, улыбаясь, хотя уже в который раз екнуло сердце в груди ее. – Сартаку запрети у самого старшего брата так часто бывать – жаль будет, если пропадет мальчишка.

У себя в юрте снова сидела Бортэ у огня. Много пережила она, деля кочевую судьбу с кердами, много боли видела человеческой, но сейчас печалилась, потому что только в жилье своем могла не быть истуканом немым, слепым и глухим, грозным призраком будущего народов покоренных. Умирают люди. Так надо. Отчего же, когда Горинка погибла, горько стало? А если не убегала прислужница, а похитили ее? Хотели про госпожу узнать, да не открыла тайн рабыня верная... Упал рассеянный взгляд Бортэ на портрет Донгмеи, рисунок из сказки и блюдо князя Ярослава, поставленное так на крышку сундука, что только фигура Агафии видна была, остальное закрывала царевна, безобразная, но любимая, и ледяная избушка лисы.

– Если б эта девица увидела меня на пиру сегодня, ужаснулась бы, убежала бы. Заперла бы в темнице в Светлоровске. Каково ей так? И не страшная, и не злая, и, должно быть, любимая. Родись я там... Нет, не знала бы я нигде покоя. По-любому родится чудовище. Только в чем вина моя? В чем, Донгмеи? Вернись из дворцов у Желтого источника. Успокой, ободри, утешь меня. Обещала Горинка беречь меня – не сберегла. Я еще поживу, надо только, чтобы отец узнал об измене Балендухт – он такого никому не простит. А от Джучи не будет мне долго большой угрозы. Отчего родилась я не в бедной юрте, чтобы жить, как сама желаю? Отчего нельзя жить так, как сама желаю, и быть великой ханум? А ты, княжна Агафия, не подслушивай, не выведывай тайн чужих, – и смотрела на блюдо строго, и плакала тихо.

Глава 5

Что есть любовь? Безумье от угара.

Уильям Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Не знали еще в Ижеславце о беде, князя Ярослава и людей его постигшей. В натопленной горнице Феодоры по утренним сумеркам горела лучина. Положив на стол кусок серой бересты, стерженьком-писалом выводила Добрава:

*Как кузнецкая жена
С молодым загуляла.
Как вернулся муж домой,
Она милого за печь.
Угощает мужа да печалится.
«Ты о чем тоскуешь,
Младая жена?»
«Как же мне, горемычной,
Не печалиться?
Домовой у нас за печью
Ругается...*

Феодора, растрепанная и в пуховом платке поверх рубахи, подошла к столу и попробовала пропеть написанное. Поправила ее Добрава:

– Быстрее здесь, а в конце с перекатами.

– Не печали-и-и-и-ться...

– Так, так.

– Отчего и музыку записать нельзя? – спросила воеводина дочь, позевывая. – А чем кончится песня?

– Кузнец велит жене поставить пирог да кашу с курицей за печь к домовому. Мужик до отвала наестся и икать начнет. Испугается тогда хозяин и на всю ночь убежит из избы.

Феодора засмеялась, закружилась по горнице.

– Не зря я тебя письму обучила.

– Только все бранится Малуша, что у тебя я сижу, хозяйка, а не помогаю на поварне, – ответила Добрава, отложив писало.

Феодора зевнула и подошла к окошку.

– Подойди сюда, голубушка! Люди в платье иноземном идут по двору!

К высокому крыльцу, на столбах стоявшему, приближались четверо. Первый был немолод – пряди седые имел в волосах и бороде темно-каштановых. Не видела Добрава раньше наряда такого: коричневой туники без рукавов, схваченной коротким поясом кожаным по бедрам, а внизу – рубаха с рукавами пышными, сверху плащ на меху, короче княжеского корзно, на голове – остроконечная шляпа, поля сзади шире, чем спереди. В мягких сапожках шагал он к лестнице. Следом шел молодой красавец, с любопытством по сторонам оглядывающийся. И на нем была похожая одежда темно-синего цвета, только шапочку он носил маленькую и круглую, не прятавшую мягких волос. Улыбался молодец коротконогому человечку, чья туника заплатами сверкала, а порты¹⁵ и башмаки ветхими, потрепанными казались, однако лицо было оживленным и довольным. Видно, велся меж ними разговор. Последним шел слуга,

¹⁵ Штаны

одетый дешево, но в новое, и несущий, видно, подарки воеводе в мешке. Феодора встрепенулась:

– Беги скорее вниз да разведай, кто они.

Добрава подобрала подол – да что ж за наказание – и спустилась вниз. Знала она уже хорошо воеводин терем. Никита встретил гостей в одной из палат своих, где пахло смолой и ладаном, и не спускала с гостей глаз темная от старости икона в окладе золотом с красного угла. И думать нечего было о том, чтобы пройти к ним. «Только бы не позвали меня на поварню», – испугалась Добрава, прикусив кончик языка от напряжения. Снова побежала наверх. Над этой палатой пряли девушки в отдельной светлице и тихо болтали, шевеля косами в такт подъему или спуску руки с веретеном. Не вошла красавица туда. Опустилась перед дверью на колени, поддела ловкими пальцами щепку из пола, вынула ее и припала к дырочке, то ухом, то глазом прикладываясь.

Никита сидел в шубе под образами. На столе, покрытом вышитой петухами красными скатертью, лежал молитвенник с серебряными застежками. Улетали к архангельским крыльям и садам райским мысли воеводы. С каждым днем тяжелее ему было думать о земном. А тут еще кереды подошли к границе. Надобно в спешке укреплять Ижеславец, чинить и чистить оружие, собирать защитников по городу – ехать туда, где шумят бестолковые люди, забыв, что один конец у всего, что в вере единой спасение. Не рад он был гостям-иноземцам и хмурил густые брови, хоть и предложил двум, одетым получше, усесться. Слуга вытянулся в струнку позади господ. Коротконогий человек же встал между гостями и воеводой, переводить готовый:

– Господин Никита, сын Васильев, прибыли к тебе купцы Эдмунд и Вильфрид. Привезли тебе в дар тафту из Златграда¹⁶.

– Добро, – ответил хозяин, довольно щурясь. – Из Златграда к нам вера пришла. Чего же видели вы там?

Старший заговорил, и переводчик, слушая его, приготовил ответ:

– Нет уже давно там правителей багрянородных. Захвачены недругами земли те, и правят они не для процветания народа, а для своей выгоды, вечно с соседями воюя. В запустение приходит город, ветшает великий дворец.

– Ох, грехи наши тяжкие! – приложил воевода руку к глазам – слезу смахнуть.

Немолодой купец что-то сказал снова.

– Задержались купцы по пути домой. Холода наступили, скоро лед скует Рюнду. Просим мы у тебя коней, телеги и сани, чтобы поскорей из княжества уехать. Слышали мы, здесь война скоро начнется. За ценой не постоим. Тут уж не до жиру – быть бы живу, – перевел коротконогий человек.

– Скоро быть в Ижеславце беде великой, – ответил Никита. – К чему нам тогда золото-серебро или меха? На тот свет с собой не заберешь – нечто чтобы кереды обогатились? Лошадей, должно быть, много нужно, чтобы увезти весь товар с ладьи. Не могу столько дать – как без них защитим мы город?

– Товар свой купец готов оставить в Ижеславце. Увезти надо только Эдмунда, племянника его Вильфрида, двух слуг их и меня, не знают господа языка вашего. В двух санях уместимся. Можем взять из твоих домочадцев кого и довести в целости до Сорочка.

Помрачнел воевода. Вспомнил он дочь свою, нарядницу кокетливую. Ни с кем не выпустил бы он ее из Ижеславца! Не о том купцы слово молвили.

– В помощи господ твоих я не нуждаюсь. Прошу уходить с моего двора без промедления.

Когда донесли до купцов смысл слов этих, те поклонились, согнув колени и взмахнув рукой перед собой, и пошли к дверям, где столкнулись с воеводиным отроком, уходившим на базар купить рыбы к обеду. Бледен был слуга, губы его тряслись. Покраснел Никита сначала

¹⁶ Прототип – Византия

от злости, посчитав поступок такой дерзостью, но потом приложил длинную ладонь к сердцу – почуял недоброе. Затаились в палате и гости заморские. Застыла наверху над щелью Добрава.

– Воевода-батюшка, пропали мы! Скакал через Ижеславец в Сороцк Игнат, слуга князя нашего. Бату-хан и его люди всех послов убили на пиру, даже господина нашего Ярослава, и идут сюда кередов великие полчища!

В глазах у Добравы помутнело. Вскочила она на ноги и взлетела по узкой лестнице к Феодоре – уже причесанной, в высоком голубом кокошнике, лебедями вышитом, и душегрее, отделанной лентами золотыми – позументом – и на заячьем меху.

– Беда случилась! Кереды убили князя Ярослава и идут в Ижеславец!

– А чего приходили гости?

– Просили коней.

– Батюшка продал?

– Нет.

– Собирай скорее мои вещи, – велела Феодора и побежала к Никите – только сверкнул мелкий жемчуг на наконнике.

Купцы уже шли к крыльцу. Увидев девушку, хорошо одетую, быстро признали они в ней дочь хозяйскую и поклонились. Толмач подскочил к красавице и забормотал:

– Кланяемся госпоже, просим защиты. Дайте нам хоть двух лошадей да сани...

– Куда мне к вам послать человека? – понизила голос до шепота Феодора.

– Сразу узнаешь на пристани корабль наш. Там дева крылатая на носу фонарь держит.

– Ждите от меня добрые вести.

Догадавшись, о чем говорила красавица в короне, молодой Вильфрид ринулся к девице и припал теплыми губами к руке ее белой. Нос и щеки царапнули перстни. Переводчик схватил его за плечи и потащил прочь, опасаясь гнева воеводы. И вовремя – уже почти вышел Никита к купцам, когда увидел в дверном проеме алую юбку дочери.

Феодора затащила отца назад в палату.

– Батюшка, неужели явятся сюда кереды? – голос ее дрожал от страха, не притворного уже.

– На все воля Божия.

– Есть в Сороцке бояре, друзья твои. Отправь меня к ним, за крепкие стены, за ряды храбрых витязей.

Никита уставился на нее, словно в первый раз увидел.

– Как паршивая овца, обезумела ты от страха. Уходи к себе, не зли меня боле.

– Воля твоя, а только кто обезумел здесь? Видно, хочешь ты, чтобы привели меня на веревке ханам кередским на поругание? Или чтобы сгорела плоть от плоти твоей, когда сломают терем наш и подожгут его?

– Выслушай меня, голубушка, – воевода сел с дочерью под образа, голос его сделался елейным. – Пятнадцать лет назад напали на Ижеславец племена степные. С помощью князя Ярослава отбил я их. Но донесли злые языки твоей матушке, будто я убит, а город взят будет. Поднялась она на колокольню, сердечная, и прыгнула оттуда, разбилась насмерть.

Сошлись брови Феодоры на переносице. Кровь стучала в висках.

– Обезумел ты! Мне-то за что помирать? Сам свяжи меня. Своими руками с колокольни сбрось. Не полезу туда добровольно! Я молода и могу еще быть счастлива.

– Город родной в беде, а ты о счастье своем думаешь, – упрекнул воевода, сотрясаясь то ли от злости, то ли от горя.

– Плясать велишь оттого, что под топор ложиться надо?

– Мать твоя...

– Ну так я-то не мать, батюшка!

Никита взглянул на нее, словно в первый раз. Кто эта девица? Откуда взялись глаза дерзкие, коса короткая, кудрявая, губы, сжатые в нить, пальцы, комкающие рукав душегреи? Ведь он знает, что близко конец. Зазвонят колокола, обагрятся стены кровью мужей опытных и отроков, жизни не выдавших. Где погибель свою найдет он? Кто поплачет о нем, будет рвать на груди рубаху с горя? Сыновья давно жили своими домами. Оставалась дочь. Только вынесли ее темной ночью – уж не волколаки ли? Только почему русалка надела ее кокошник и перстни, от матери оставшиеся? Сгинь, нечистая сила! Никита вскочил, топнул ногой. Страшные тени легли под глаза его. Феодора опустила голову. Глаза в пол – зло. Воевода вышел, хлопнув дверью так, что задрожали стены, а Малуша на поварне перекрестилась. В сенях сидели слуги мужского пола – кто чинил узду, кто плел лапти, кто обсуждал платье купцов, хозяина посетивших. Все они вскочили, как только вырос в дверях Никита в темной медвежьей шубе.

– Коня седлайте. Надо ехать укрепить стены. Даже ночью работы будут вестись. Пять человек покрепче со мной. Ты, Иван, к сыновьям моим беги, тоже кличь их на стены, – велел воевода отроку, недобрую весть принесшему, – Остальным: Феодору со двора не выпускать!

Добрава этого не видела. В спешке крутила она льняные рубахи да шерстяные юбки. На сундуке лежала уже соболья шубка. В берестяные коробки убраны были кокошники, драгоценные уборы покоились в костяных ларцах. Особо на столе ждала своей очереди большая толстая книга в переплете кожаном и с тиснением – чудный град с церквями и теремами, каменными стенами окруженный, а благословляет его ангел из-за круглого солнца. Феодора вошла, на высокую постель бросилась и вздохнула так, что задрожали на плечах, одеяле и подушках колокольчики на подвесках-песах.

– Что случилось? – всплеснула руками Добрава.

– Не выпустит меня батюшка из города. Уже и из терема не выпустит.

– Как быть тогда?

– Будто знаю я? – глухо звучал из-за подушек голос Феодоры. – Развлеки меня. Хоть почитай что-нибудь.

Добрава наугад раскрыла книгу – не было раньше времени с ней ознакомиться. Опустилась девушка на сундук, сдвинув шубу, и начала прилежно, еще водя пальцем по строчкам:

– В городе Керсон¹⁷ была у царя дочь Ликия, а у врага его были сыновья¹⁸. Послал как-то враг к царю гонца: «Хочу с городом твоим в мире жить. Отдай дочь свою за одного из сыновей моих, и одной семьей станем!» Отвечал царь гонцу: «Дочь у меня одна, не останусь я в старости без любимой своей отрады. Пусть жених сам приедет в город наш и живет в моем дворце неотлучно». И приехал жених из земель вражеских – лицом пригож, весел, ласков. Пышную свадьбу во дворце сыграли. Занимал этот дворец четыре улицы, а в стене городской были ворота особые, чтобы царский скот на ночь в хлев загонять.

Умер старый царь в скором времени. Через год после похорон его собрала Ликия горожан на широкий двор, раздала всем хлеба, мяса, вина, рыбы и просила помянуть славного отца своего. Понял тогда муж, как ему взять Керсон. Каждый месяц проходили к нему тайно юноши из племени его сквозь ворота во дворец в городской стене. Прятал он людей в погребках глубоких. Ждали враги поминок, чтобы напасть на горожан, крепко спящих от вина и пищи сытной.

Провинилась как-то раз рабыня молодой царевны, и послали ее прясть. Уронила она в щель между кирпичами пола тонкое веретено. Наклонилась и кирпич вынула, чтобы достать его. И увидела рабыня мужчин с оружием, и услышала речь иноземную. Донесла о том госпоже своей. Пошла царевна к старшим, мудрым и знатным горожанам и попросила ночью тихо обложить дворец ее хворостом и быть наготове войску. Как только супруг ее почивать лег, забрали царевна с рабынями все ценное, вышли, заперли дворец и подожгли его. Кто хотел

¹⁷ Прототип – Херсонес

¹⁸ Прототип – легенда о Гикий

спасти́сь от пламени – того убивали защитники Керсона, у огня стоявшие. И уберегла мудрая царевна Ликия землю свою...

Феодора уже сидела на кровати, глаза ее горели.

– А ведь и у нас из конюшни выход имеется! Умеешь ли ты, Добрава, лошадьми править?

– Это все умеют, кто в деревне вырос.

– А у меня под подушкой ключи от дверей во дворе и доме, – взмахнула Феодора связкой на кольце медном. – Будешь ли мне верной?

– Все сделаю, – сжала зубы Добрава.

– Беги тогда на пристань, найди корабль с фонарем и крылатой девкой на носу.

И скажи им...

Завывал на дворе осенний ветер. Гусьями плыли по небу серые тяжелые тучи – вестники то ли дождя, то ли первого снега. В Ижеславце ходили с печальными лицами, даже дети не играли на улицах. Все были грустны. Стекался народ на городские стены и вал – к воеводе на подмогу. У колодца с высоким журавлем выла лохматая рыжая собака.

Вечером конюхи ушли на поварню. Феодора в собольей шубке и пуховом платке поверх кокошника, с ларцом в руках, и Добрава в заячьем тулупе, с мешком и коробом, спустились вниз, вышли на широкий двор. Воеводина дочь нащупала замок, вставила туда ключ и отворила дверь. Тихо заржали лошади. Было темно. Только один факел горел над корытом с ключевой водой.

Девушки подошли к резному возку, от редкости использования прикрытому попонами, мешками и стогами сена. Широкие колеса из дубовых досок с резной ступицей и диковинный узор в виде плетения из цветов, длинные оглобли, украшенные звонкими монетами уздечки, хомуты и шлеи, по стенам конюшни развешенные, показывали ясно достаток Никиты. Пыхтя, девушки очистили возок. Свалили внутрь поклажу свою. В дверь с улицы раздался стук. Феодора пошла открывать. В теплоту и полумрак хозяйственной постройки воеводы вошли купцы Эдмунд, Вильфрид, переводчик, слуга и еще один маленький человечек, в плащ, подобный монашескому одеянию, закутанный. Добрава повела коней впрягать. Помогали ей и мужчины. Тихо работали, молча. Лошади, оторванные от яслей, от полусна очнувшиеся от запахов и звуков чужих людей, ржали, тяжело переступая с ноги на ногу. Цокая языком, гладила служанка из Лисово мокрые морды. Ноздри коней раздувались, в крупных глазах дрожало отражение факела, как звезды одинокой. Тело шевелилось под шкурой, будто змеи внутри были. Стало Добраве страшно:

– Замешкались мы. Сейчас конюхи воротятся!

– Не воротятся, – ответила дрожавшим голосом Феодора. – Я велела Малуше угостить слуг хмельным медом из запасов батюшкиных.

Слуга, толмач, Эдмунд и Вильфрид запрягли коней сноровисто. Только человек в плаще стоял, прислонившись к стене. Все было готово. Сняв с крючка хлыст тяжелый, Добрава поднялась на козлы, натянула кожаные поводья, проверяя, слушаются ли ее лошади. Те пытались укусь друг друга через оглобли. На дуге звенел одиноко серебряный бубенец. Вильфрид под локоток повел Феодору к возку. Эдмунд взял на себя чахлого спутника. Юный слуга примостился сзади на сундуке. Переводчик с ловкостью, странной для его годов, так же забрался на козлы. Когда все уселись, Добрава поудобнее взяла вожжи – «взагреб» – через ладони снизу, прижав большими пальцами. Феодора перекрестилась и задернула занавеску. Во дворе послышался шум – кончили слуги свою трапезу.

– Промедлю – заперет воевода до смерти, – прошептала Добрава, глядя на заборы дворов напротив. – Пошли, разлюбезные! – и шлепнула вожжами по крупу.

Тройка медленно выехала с конюшни – непривычно скрипели колеса. Свысока теперь смотрели сидевшие на козлах на широкую и некогда оживленную, а теперь тихую улицу.

Кто ужинал при свете лучины. Кто ушел в каменный храм помолиться. Кто помогал Никите на стене.

– Э-э-эх! – и снова взмахнула вожжами Добрава. Раздался топот копыт по дороге, мощенной продольно положенными досками. Здоровые и сытые кони птицами понеслись к воротам Ижеславца, да так, что путники на козлах и облучке чуть не свалились. Загремел возок по улицам. Залаяли псы чуткие с чужих дворов. Вихрем к новому счастью неслись беглецы. Ничего не понимала Добрава – только чувствовала, как треплет косу ветер, да летит в лицо дорожная пыль. Еще не запертými были ворота широкие. Легко выехал возок из города, и остались позади вал высокий с частоколом, как гребнем змеиным, перед бревенчатыми стенами – верхний ярус выпирает над нижним и покрыт двухскатной крышей. Не обернулась даже Феодора, не искала глазами отца своего на одной из открытых башен сторожевых...

Ночь была ясной. Круглая луна освещала широкую дорогу.

Глава 6

*Обернусь я белой кошкой,
Да залезу в колыбель...
группа «Мельница», «Белая кошка»*

В княжеском тереме в Светлоровске закончилась вечерняя трапеза. Князь Даниил ушел к себе отдохнуть. Отпустил отроков, обычно в покоях у входа дежуривших. Сбросил с плеч тяжелое корзно и, одетый, упал на широкую постель, одеялом из беличьих шкурок прикрывшую. Ровно горели свечи в серебряных подсвечниках. Блестели огоньки на тяжелой кольчуге, щите каплевидном с грустным солнцем, и шлеме с наносником, на стене повешенных. Спать хотелось. Равнодушно смотрел Даниил на лицо Божьей матери на иконе в красном углу – от древности темное, как у девицы, что он вытащил из церкви в Лисцово на охоте с князем Ярославом. Доехал ли тот уже до Бату-хана? Но зачем тревожиться в тихом, теплом тереме, в уютной горнице? Как кот, мурлыча, забывшись, повернулся Даниил на бок, закрывая глаза. Вдруг услышал у двери: «Топ-топ-топ!»

Вздохнув, приподнялся молодой князь на локте. Посмотрел в ту сторону. В узкую щель между каменной стеной и деревянными досками с гвоздями медными проскользнул белый заяц. Глазки живые, косые, выпуклые. Уши длинные, мягкие. Морда плутовская. Опустился на крупные задние лапы, принялся передними тереть нос, зажмурившись. Даниил нахмурил брови:

– Снесут тебя когда-нибудь на поварню!

Сев на кровати, достал он из-за голенища узких сапог на высоком каблуке нож с резной ручкой и лезвием, чуть уходящим вбок. Князь воткнул его в доску с резьбой в ногах постели, шкуры беличьей откинув. Заяц покачал головой и поскакал в угол, к большому сундуку, стуча лапами по ковру мягкому.

– Не глупи. Вдруг войдет кто. Вот как пну тебя, чтобы через нож перескочила! – сказал Даниил уже с притворной сердитостью.

Подхватил он зверька на руки, погладил по круглой спине, поцеловал в теплый лоб. Заяц жмурил глаза блаженно. Вдруг дернулся. Князь понял – сюда идут! В спешке засунул зайца в изголовье, заложил двумя пуховыми подушками. Сам прилег, будто бы задремал, забыв убрать нож. Снова отворилась дверь. И кто посмел беспокоить государя – нет ли вестей о кередах и Бату-хане?

В спальню сына вошла княгиня Евпраксия. Надета на ней была затканная серебряными нитями парчовая стола – прямая рубаха с вышивкой. На левое плечо и руку накинула она, по обычаю из Златграда далекого, коричневым шелковым платок-паллу. Высокая и статная, казалась мать потомком древнего, божественного рода. Евпраксия была немолода, и годы замужества, полные хлопот и волнений, подарили ей морщинки на высоком ровном лбу и вокруг ясных зеленых глаз и округлили румяные щеки, однако женщина до сих пор заслуженно считалась красавицей. Светло-русые волосы скрывала белая фата из плотной ткани, закрепленная на голове серебряным обручем с узором из цветов. С двух сторон на него крепились проходившие под подбородком рясны – цепочки из круглых пластинок с узором из восьмиконечных звезд (символов семейного счастья). Еще стройный стан прятала темно-синяя вышитая бурмицким зерном-жемчугом верхняя рубаха. На пальцах блестели в пламени факела дорогие перстни с червленым яхонтом-рубином и солнечным теплым алатырем-янтарем. Даниил сел на кровати. Евпраксия подняла брови, заметив воткнутый в доску у кровати нож.

– Где Агафия? Вылезай, негодная! – сказала она не зло, а встревоженно.

Князь с виноватым видом достал зайца, повесившего голову, из-под подушек.

– Превращайся в человека немедленно! – Евпраксия взяла зверька из рук сына и держала перед рукояткой ножа. – Я считать буду: раз, два...

Заяц подпрыгнул, а на мех одеяла приземлилась тяжело девушка. На ней была персикового цвета верхняя рубаха, мягкие волосы и лоб обхватила парчовая вышитая жемчугом повязка, на которую крепились височные кольца в виде полумесяцев рожками вниз, украшенных маленькими шариками-зернью. Вдоль лица спускались пясы – массивные подвески в виде уточек с колокольчиками на концах-животах птиц. Девушка лежала на животе, но перевернулась на спину, села.

– Ну дела! А если бы сенные девушки или Варвара увидели такого зайца?

– Я их всех отослала прочь, – ответила княжна весело.

– А сторожа?

– Я до комнаты перед спальней Даниила горлицей летела, потом – в окошко, на пол и зайцем.

– А увидят воткнутый нож в твоей комнате?

– Случайно оборонила.

Евпраксия села на кровать, закрыв лицо руками. Перепуганная Агафия подползла к матери, положила головку на ее плечо.

– Не печалься, родимая. Не дитя я уже больше, не выдам тайны нашей.

– Люди даже в тереме у нас еще темные. Как узнают, что ты волколак, так погубят тебя, и меня, и брата твоего одним махом. Кольями забьют, в Рюнде утопят.

– То-то и горько матушка, что я не пью кровь, не убиваю людей невинных, а просто себя тешу, но принуждена это в тайне держать. Обернулась птицей – собирай потом по горнице перья. Обернулась зверем – дальше спаленки своей ни-ни, а то слуги увидят. Замуж выйду – и от мужа скрывать правду придется?

– Истинно так, – кивнул Даниил с напыщенной важностью.

– Я тогда обернусь рысью, в лес убегу, то-то бояре перепугаются! – всплеснула руками Агафия, улыбнулась и сделалась опять серьезной. – Если уж жить с человеком, то верить ему, как Богу.

– Разумная у меня сестрица, матушка, – обнял Даниил княжну за плечи. – А мы все думаем, что молода, глупа, отсылаем ее при разговорах о делах государственных.

– Я и сама не хочу в боярском совете сидеть – скучно, все важные и долго думу думают, а воск оплывает со свечей, душно в палате. Пока ты у нас правишь, а матушка помогает, я за княжество и так спокойна буду.

– Только бы скорей прогнали кередов из-под Сороцких земель – то-то была бы радость! – заметил старший брат. – Пир бы устроили мы в нашем тереме. Нажарили, напекли, наварили яств дорогих. Усадили бы бояр в тяжелых шубах, боярынь в рогатых киках, боярышень в высоких кокошниках, сыновей боярских в дорогих кафтанах, купцов богатых с семействами, а внизу столов – людей служилых, на скамьи по роду и знатности. Вынесли бы нам на золотых подносах белых лебедей, поросенка с зеленью, осетра, пироги с брусникой, пряники фруктовые в виде города. На гусях бы нам сыграли, песенки бы спели. А на широкий двор выкатим бочки квасу и меду, чтобы каждый, будь хоть кузнец, хоть пахарь, хоть холоп, мог угоститься, добрым словом, вспоминая князя щедрого. Какой это будет пир – пышнее, пожалуй, чем иная свадьба! А ты любишь пиры, сестрица?

– Лишь бы не на меня на пиру смотрели.

Евпраксия покачала головой и сказала:

– Боярышня Марфа замуж выходит завтра.

– Это кто? – спросила Агафия, искренне удивившаяся.

– Дочь боярина Кирилла, – подсказал Даниил, – такой пузатый, а борода не растет.

– Ха-ха-ха! Ой, мамочки! – развеселилась княжна еще больше.

– Худо, Агафия, что не знаешь ты совсем двор княжеский. Не просто так приезжают девицы эти в терем. Как заслужить любовь народа своего? Только вниманием. Я с боярынями пройду по саду, скажу им слово ласковое, а они потом мужьям и сыновьям накажут служить Даниилу верно. А ты? Приехали к тебе красавицы роду знатного – ты вышла, дала ручку поцеловать и к себе в горницу. Ни песенку спеть, ни вышивать, ни в горелки играть с ними не желаешь. Даже подруг у тебя нет. Вот и говорят в народе, что ты горячка.

– Я? Сама знаешь, матушка, как мне с чужими невесело. Грех на мне? Грех великий. Устала я врать, а должна. Лучше уж с теми быть, перед кем мне можно не скрывать.

– Те, кто болтают об Агафии недоброе, или сами от природы своей злы и глупы, или никогда с ней не беседовали долго. Если когда-нибудь княжна и делала промахи, то лишь по неопытности, которую должно простить, – вступился Даниил за сестру снова.

Евпраксия вздохнула. Не со злобы упрекала она дочь. Радовалось сердце материнское заботе сына об Агафии. И трепетало напуганной птицей – откуда-то пришел незнаемый народ, наступали времена тяжелые. Тучи черные – или стаи птиц, напуганных войсками далекого Бату-хана, – проносились над Светлоровским княжеством. Выстоит ли юный Даниил? Что станет с веселой сестрой его, вечным ребенком и красивой девушкой? Куда деться самой Евпраксии? Когда умер муж ее Юрий, хотела женщина лечь с ним в гробницу под сводами собора, чтобы только им не разлучаться. Из-за детей утешилась – не бросать же их одних в жизни беспокойной, как океан бушующий? Нежной матерью была величавая княгиня. А еще мудрым советчиком в делах государственных, оттого и сидела она в палате, где принимали бояр, на резном кресле из слоновой кости сначала с мужем, а потом с сыном.

Агафия, соскользнув с широкой постели, подошла к яркому слюдяному окошку.

– Снег идет! Даниил, матушка – первый снег!

– Да ну! – молодой князь тоже приблизился посмотреть, а потом сдвинул брови. – Кто-то скачет по двору.

Евпраксия медленно и торжественно перекрестилась на икону в красном углу. Все в горнице молча ждали не известия – беды великой. У каменного крыльца всадник на взмыленном коне медленно спускался на припорошенную белыми хлопьями землю. Вскоре застучали по ступенькам каблуки сапог. Влетел в покои князя любимец его – ловчий Владимир.

– Даниил Юрьевич, от купцов Бельчиных человек приехал. Они по торговым делам в Сороцке были.

– Сюда веди, – сказал государь суровее, чем сам ожидал.

– За дверью он, – и ловкий юноша, извернувшись, втащил за рукав полушубка высокого человека с длинной рыжей бородой, на которой не растаяли еще снежинки, и горбатым носом.

– Кто ты, молодец? – спросил Даниил у гонца.

– Купцов Бельчиных холоп верный. Больше двух недель скакал к тебе. Пришли хозяева мои из церкви, где была и княгиня с семьей. Послали за мной и рассказали: «Молились все усердно о скором возвращении посольства от Бату-хана. Вдруг вбежал в храм Божий человек в плаще, кровью обгащенный. Узнали многие в нем Игната и пустили к алтарю. И такое началось в соборе шевеление, что даже княгиня, дочери и невестки ее, за бархатными запонами обедню слушавшие, место свое оставили, к остальным спустились. Были они бледны, будто пытали их, и дрожали, как многие: не только женщины, но и мужчины. Замолчали певчие, сбились в кучу, как ангелы скорбящие. Опустился Игнат на колени перед сыновьями князя Ярослава и молвил: „Бату-хан на пиру убил господина моего и спутников наших. Меня отпустили сказать, что будут скоро кереды под Сороцком. Видел я их войско – тысячи великие“. На пол упала жена государева. Без чувств лежавшую, понесли ее в терем. Заплакали, запричитали княжны, боярышни и боярыни, кто родственниками погибшим приходились. Стало в храме великое столпотворение. Одни кинулись к алтарю с молитвами скорбными, другие –

к широким дверям, спасись тщась. Скачи к князю Даниилу, передай ему, что быть скоро беде великой!»

Агафия закусила губу, на глаза набежали слезы. Евпраксия подошла к гонцу, высокая, бледная, с пустыми глазами, перекошенным ртом.

– Что намерены делать в Сороцке?

– Должно, защищаться.

– Ступай. Владимир, накорми его хорошо и уложи на ночлег, – велел князь.

– Благодарствую, да только у меня письмо для купчихи Бельчиной. Отвезти бы его в дом хозяев моих, чтобы там к встрече готовились.

– Хорошо. Иди с Богом, – Даниил махнул рукой. Гонец и Владимир вышли. – Завтра надо с боярами обдумать, не поспешить ли с войском молодым князьям на выручку.

– А с нами здесь что будет? Братец, если в поход отправишься, меня с собой увези, – взмолилась Агафия.

– А мать? Ты одну ее оставить в Светлоровске хочешь?

– В важном деле и бояре слово свое молвить должны, – сказала Евпраксия, – не боялась я, сын мой, отпускать тебя на охоту звериную или на бои с соседями нашими да кочевниками степными. Но страшно мне теперь. Сердце недоброе чувствует. Отвернулся от меня Бог, глух теперь к молитве моей. Одного желаю: пусть ваша судьба, дети, кровинушки мои, моей судьбой будет.

И обняла она Даниила и Агафию – белая, серебристая, как свежий снег. Эти же хлопья летели на землю и на крышу повозки, на спины коней, которых гнала Добрава, хрипло крича, отчего толмач рядом на козлах ежился, вздрагивал и закрывал выпуклые глаза. Бортэ-ханум вышла из теплой юрты. Сотни укутанных женщин, иные с младенцами на руках, и детей смотрели вдаль, где под черным небом, сыпавшим колючие снежинки, дышавшим холодом, при свете подожженных домов кереды карабкались на вал и стены. Ржали испуганные кони, кричали люди, и смешалось в кровавой сече два языка. Несколько часов уже длился штурм. Защитники со стен лили кипящее масло. Нападавшие же отвечали тучей острых стрел подожженных. Волокли к тяжелым воротам тараны, катили высокие катапульты. Одни были в халатах, пластинами стальными подбитых, другие – в связанной из пластин железных броне, даже колени прикрывавшей. Мешались шапки и шлемы. Сам Бату-хан, черный от копоти, сидевший на огромном гнедом коне, фыркавшем и грызшем от злости удила, пустил стрелу с привязанной с ней горящей тряпицей. Попал он в шею воеводы Никиты – стало тому душно от горячей рядом башни и снял он шлем тяжелый. Смешались ряды защитников. Кто-то с испугу кинулся со стен в город спасать добро, тушить дом. Терем господский тоже горел. Слуги мужского пола были на стене. Малуша спускала одна на двор по лестнице сундук тяжелый. Не удержали слабые руки ношу. Поскакал ящик расписной по ступеням деревянным, рассыпалась по снегу серебряная посуда.

– Людмила! Подсоби собрать!

– Кончено, Малуша, кончено все – убит батюшка-воевода наш, – крикнула вбежавшая во двор девушка в распахнутом полушубке с чужого плеча – что успела накинуть, покидая в спешке горящий терем.

Со стороны раздался треск зловещий. Рушились стены и башни кремля, из вековых дубов собранные. Тараном разбили ворота. Абукан на быстром коне одним из первых влетел на горящие улицы. Но Бортэ не видела этого. Окружившие ее женщины и дети протягивали в страхе к госпоже руки.

– Уже стемнеть успело, ханум!

– Шесть часов наши люди город маленький штурмом взять не могут.

– Не боятся защитники смерти.

– Одолеют ли их воины наши?

– Где папа? – спросил четырехлетний мальчик в большой, не по размеру, шапке, на спину и плечи съехавшей.

Бортэ-ханум подняла ребенка на руки.

– Он скоро вернется, – и обратилась к остальным: – И мое сердце сейчас замирает от страха. Мой отец и братья сражаются бок о бок с вашими родными. Давно не видели мы такой кровавой сечи. Слава победителям – и погибель и позор побежденным. Много лет назад избрали наши деды такую судьбу своему народу. Так поведем себя сейчас, как наши прабабки – не испуганными, как робкие лани, не понурыми, как старые клячи, на которых и по воду ездить стыдно, не то что на бой. О нет. Каждый мужчина после битвы – царь. А царя в юрте должна встречать царица, чьи глаза сияют, как драгоценные камни, а голос весел, как пение птицы весной. Улыбнитесь мне шире, царицы, ведь даже белокожие пленницы с русыми косами не затмят вашей красоты. А вы, дети, учитесь у отцов храбрости и мужеству, чтобы перед вашими женщинами рушились стены новых городов, а у матерей – терпению и умению ободрить, чтобы хотелось эти самые стены рушить. Я вижу Толуя. Он скачет к нам! Это с вестями от Бату-хана, и мы вместе услышим каждое слово!

Все внимали Бортэ с восторгом и верой. Она умела говорить красиво и выразительно, голос ее был приятен, а горящие глаза и пылавшие щеки показывали столько же, сколько и правильно выбранные слова. Толпа расступилась, пропуская Толуя без шлема (потерял в пылу сражения), в порванном халате на рукавах, где доспехов не было, забрызганного кровью и черного от копоти.

– Ханум, Бату-хан шлет тебе добрую весть – немалыми трудами Ижеславец взят. Скоро люди Абукана вернутся в свои юрты.

Женщины и дети радостно закричали и кинулись обнимать друг друга, целовать детей. Бортэ присоединилась к общему веселью, искренне радуясь победе своего отца и своего народа. Касаясь тонкими губами чужих щек, волос и рук, для каждого находя ласковое слово или улыбку нежную, девушка передала ребенка его матери и медленно двинулась к юрте, желая отдать приказание по встрече Бату-хана в лагере. Погладила она по щетинистой щеке и Толуя, а воин взглянул на нее с отческой нежностью.

Глава 7

Случится думать, – бояре на то, чтоб думать...

А. Н. Толстой, «Петр Первый»

Сразу после заутрени собрались бояре в княжеском тереме. На улице морозило, оттого распустились на окнах гридницы цветы ледяные. Внутри же было тепло Каменный пол покрыт коврами алыми. С высоких стен и потолка на гостей смотрели ясное солнце и светлый месяц, рогатый индрик-зверь (единорог) – всем зверям отец, райские птицы (грустная Сири́н и веселая Алконо́ст), травы, завитками неведомыми растущие, пляшущие львы, сухие телом святые с лицами благообразными и к небу поднятыми очами, и еще много всего. По стенам и под потолком – золотые и серебряные светильники. В конце на помосте и пестрых персидских коврах стояло два резных кресла из слоновой кости, где княгиня Евпраксия восседала сначала с любимым мужем, а потом с повзрослевшим сыном. По стенам длинные лавки, устланные мехами и парчой, тянулись. У дверей гридницы два витязя с копьями да мечами. Бояре занимали свои места, кланялись друг другу, говорили тихо с соседями кто о Бату-хане и Сороцке, кто о свадьбе сегодняшней, на которую все из сидевших были позваны, а потому жаждали совет быстрее окончить и поехать в терем Кирилла, где уже начали обряжать Марфу в свадебный наряд под песни сенных девушек. Шептались:

– Поехала ли княжна Агафия с другими боярышнями к твоей дочери?

– Отказалась по причине нездоровья.

– Может, замуж не выдают, потому что хвора́я?

Воевода Федор – широкоплечий, высокий, человека легко саблей пополам перерубающий – из гридницы выходил и вернулся с епископом Иларионом, величественным старцем в черных одеждах, опиравшимся на посох с золотым крестом. На приветствие бояр ответил он крестным знаменем. Все уже стали приходить в нетерпение – когда же начало? Наконец отворились еще раз обитые красной медью двери.

Даниил в шелковой рубахе с широкими рукавами и парчовой затканной золотом тунике до пят и с венцом на голове гордой шествовал к своему месту. За ним, чуть позади, плыла Евпраксия. Последним шел Владимир, неся знамя с грустным солнцем на алом поле. Государи подошли под благословение и сели на свои места. Кашлянув, начал Даниил:

– Должно быть, известно вам, бояре, что на соседнее с нами княжество Сороцкое движутся несметные полчища. Бату-хан жесток и бесчестен, люди его сильны, как медведи дикие. В стане кередском зарезали они на пиру послов, перед этим хлеб вместе вкушая, дары богатые приняв. Не пощадили даже князя Ярослава. Не должны ли мы с дружиной идти в Сороцк на подмогу, погубить злодея лютого? Решим вместе, бояре, – дело это великое и раздумий требует. Сколько у нас дружинников, воевода Федор?

– Десять тысяч наберем, – ответил он басом, задумавшись.

– В Сороцке вдвое больше собрать можно! – сказал с лавки седой благообразный боярин.

– Соберут ли? – спросил Даниил. – Города богатые у них с юга, туда Бату-хан и нападет первым, если не напал уже.

– Позвольте мне слово молвить, – вступила в разговор Евпраксия. – Князь Ярослав убит. На молодых сыновей его лежит тяжесть подготовки к обороне, но мысли их отуманены скорбью. Справятся ли они с этим?

– Очистим себя милосердием, отрем сим прекрасным знаком нечистоты и скверны душевные, и убелимся, одни, как волна, другие, как снег, по мере благосердия нашего¹⁹, – сказал нараспев епископ Иларион слабым старческим голосом.

– Если победит хан князей Сороцких, то на Светлоровск откроется ему прямая дорога, – продолжила Евпраксия.

– А кто Светлоровск защитит, если все войско под Сороцком поляжет? – спросил высокий боярин чуть ли не из угла гридницы.

– Кабы были мы одни, мигом собрали бы войско доброе да на Бату-хана ополчились. Только в теремах и избах бабы, старики, ребятишки малые. Перво-наперво их защищать должно, – соглашались прочие на лавках.

– Может, выделить все же отряд малый для помощи Сороцку, – предложил Даниил.

– Не было еще от молодых князей гонца с кликом на подмогу торопиться, – сдвинул брови еще один боярин. – Если же не выйдет с Бату-ханом в чистом поле биться и окажутся люди в городе запертыми, будут только в тягость защитникам, ведь придется кормить наших витязей и лошадей их.

Евпраксия прислонила руку ко лбу, задумалась. Надобно решать скоро – а чего решить? Все напуганы – даже воевода Федор. Тешили матери детей сказками о Бату-хане, а теперь он сам идет сюда, но нет рядом ни витязей на конях, через реки широкие скачущих и с мечами-кладенцами, ни дев премудрых, ни вещей волшебных вроде шапки-невидимки. Это сейчас они решают, оказать ли помощь – скоро сами будут ждать спасения у милосердия людского и Божьего.

Оплывал воск в светильниках. Выступил пот на лицах боярских. Утомились все. Иные с тоской уже глядели в окошки морозные. Наверху в горнице княгини трудилась мамка Агафии Варвара – круглая, вертлявая, с плутовской ухмылкой и взглядом ласковой любимой кошки, с темными кудрями из-под льняной шапочки-сороки белого цвета, без вышивки и украшений. На круглые плечи и тяжелую темно-синюю душегрею, отделанную желтой тесьмой, падал кусок холста – ширинка. Пухлые губы и тонкие брови были подкрашены, а румянец на щеках, как наливные яблочки, свой. Бережно раскладывала Варвара на широкой постели алые одежды из парчи.

– И ты бы на свадьбу поехала, Агафия. Вмиг тебя соберем! – говорила она растрепанной княжне, сидевшей задумчиво на сундуке и вертевшей в длинных пальцах жемчужные нити.

– Что там делать? Слушать, как боярышни хихикают, на Даниила поглядывая? – ответила девушка весело.

– Наш князь самый пригожий, – гордо согласилась мамка. – Нигде такого другого не сыскать. А если б был такой второй, да тебя в жены взял – я бы больше других на свадьбе пела да плясала от радости.

– Ты свою свадьбу помнишь, Варвара?

– А как же? Невесте и жениху кушать не положено на пиру. Все угощаются, а я, с утра не евшая, в платье тяжелом, от запаха лакомств с лавки мешком на пол грохнулась. То-то все перепугались!

– Ха-ха-ха, голубушка! Ха-ха-ха! Ой! – Агафия даже рукой закрылась от смеха. Потом спросила серьезно:

– Ты любила мужа?

– Я ведь из бедной семьи. Седьмой сын боярский от отца много не получит. Дома босиком ходила, помогала сенной девке мыть полы и стирать. Летом пошла в лес по ягоды – в лапотках! – и встретила боярина Тимофея, вдового да немолодого. Приглянулась ему, видать. Два раза к батюшке погостить навещался, на третий сватов прислал. У него терема в деревне

¹⁹ св. Григорий Богослов, 13, 43

и Светлоровске, скот в хлеву, кони на конюшне, сани расписные и возки, меха и золото-серебро. Разве смела я отказаться? Приданого готовить не могли, потому скоро нас обвенчали. Тимофей братьев моих устроил в дружину, сестрам дал меха, ткани и золото, помог замуж выйти. Меня в палаты княгини Евпраксии ввел. Не бил меня, хоть и держал строго. Я ему была женой верной и сейчас только с благодарностью вспоминаю.

Обе женщины смотрели друг на друга с нежностью. Яркое зимнее солнце светило в окошко горницы. Внизу послышался шум.

– Никак кончили! – Варвара перекрестилась на икону с лампадкой в углу.

– Пойду узнать, что решили! – Агафия соскользнула с сундука и открыла дверь.

– Куда простоволосая! – испугалась мамка.

По широкой белой галерее мимо пестрых окон княжна побежала к лестнице. Владимир поднимался навстречу. Высокая, легкая девушка, как облаком, золотыми легкими прядями покрытая чуть ли не до колен, поразила его. Не сразу вспомнил ловчий, что надо Агафии поклониться. Казалось ему, что все, что было прекрасного во всех крестьянках, купчихах и боярынях этой земли, слилось в молоденькой княжне и сияло изнутри, как звезды тихой ночью. Кроткая горлица, нежная яблонька в цвету, дивная девица!

– Владимир, что решили князь и бояре?

– Соберем дружину малую для помощи Сороцку.

– С ней пойдет мой брат? – испугалась Агафия.

– Посылают боярина Андрея.

– А! – ответила девушка рассеянно.

– Сказывают, Бату-хан мог уже взять Ижеславец. Это город маленький, деревянные стены слабые, войска мало...

– Матушка моя поднимется скоро? Варвара ее ждет.

Владимир вздохнул. Далеко было еще милой девочке до княгини!

Уже начало темнеть, когда к высокому крыльцу подали тонконового гнедого коня и расписные красными цветами, жар-птицами и львами сани с тройкой белоснежных лошадок с лентами в гривах. Шелестя мехами и парчой, Даниил и Евпраксия спустились во двор. Отворила стража ворота тяжелые, и князь, княгиня и свита малая отбыли на свадьбу в боярский терем. Агафия стояла под навесом над лестницей, но снег сбоку падал на ступени каменные, а ветер холодный трепал выбившиеся из длинной косы пряди и легкие белые рукава рубахи. Варвара выскочила на крыльцо, прижимая к широкой груди пуховую шаль.

– Агафия, замерзнешь! Ступай в горницу.

Княжна приняла платок и с улыбкой ласковой накинула его себе на плечи. В сенях прислужница веником ловко отряхнула сапожки хозяев своих от снега. Мамка увидела метнувшийся в дверном проеме подол светло-серой рубахи.

– Кто там от работы бежит?

– Тебя искала, Варвара, – аккуратная сенная девушка вышла из палаты, поклонилась. – Дозволь сегодня вечером гусяра в княгинину мастерскую светлицу позвать. Потешит нас.

– Позовем? – спросила мамка у Агафии.

– Я не пойду. Я спать лягу. Гусяра зовите. А еще возьмите пироги с поварни – матушка и братец со свадьбы сытыми воротятся. И пряники медовые.

– А пряхь да вышивать им когда? – возмутилась Варвара.

– Успеется. В точности все исполнить, как я просила, а не то проснусь и приду проверю! – ответила княжна полушутя.

Прислужницы хитро улыбнулись. Гусяр был пригож, а пироги сегодня удались на славу.

Три сенные девушки помогли Агафии раздеться. Теперь первая ворошила кочергой угли и поленья в печи до потолка, выложенной молочного цвета плитками с узором из львов, птиц с головами женскими и в княжеских коронах, единорогов и павлинов, виноград клюющих.

Вторая убирала в сундук тяжелый наряд. Третья укладывала нежные жемчуга и звеневшие пясы в ларчик слоновой кости. На колени перед большой иконой в золотом окладе опустилась Агафия. Это знак был прислужницам быстрее удалиться.

Не молитва была у княжны на уме. Тенью беззвучной кинулась она к столику с резными ножками-лапами. Свет от лампы заиграл на драгоценностях, высыпанных из ларца на подушку. Длинными ногтями подцепила Агафия что-то внизу – второе дно! Неторопливо, будто дело привычное, достала девица маленький нож из рыбьей кости и прочный шнурок. Поднатужившись, распахнула окно. Холодный ветер, тихо свистя, занес снежные хлопья на ковер заморский. Связала вместе Агафия крюк из стены и крохотную ручку на раме деревянной. Получилась щель. Повернула княжна ларец на бок, захлопнула крышку, воткнула ножик свой между стенками и верхом ящичка и прыгнула через него. Мышь белая, смешно шевеля носом чутким, вылезла через щель на улицу, скользя голым хвостом по слюде, и прыгнула вниз, обернувшись белой горлицей. Полетели снежные пчелы на перья белые.

Глава 8

*Слушай, Леший,
Чужой ли кто, иль Лель-пастух пристанет
Без отступа, аль силой взять захочет,
Чего умом не может: заступись.
Мани его, толкай его, запутай
В лесную глушь, в чащу; засунь в чепыжник,
Иль по пояс в болото втисни.
А. Н. Островский, «Снегурочка»*

В крыльях горлицы мало силы. Только Агафия была волколаком. Оттого стрелой летела она против ветра и метели над золотыми куполами церковными, будто парящими (все вокруг белым-бело!), черневшими бревенчатыми боярскими и купеческими теремами, избами и мастерскими простого народа, высокой стеной с фигурками богатырей, хлопавших рукавицей об рукавицу, чтобы согреться. Княжна будто обнимала крыльями темное небо. Холодный воздух шевелил перья, да разве волколаку опасен мороз? Пусть кутаются в шубы боярышни, пусть лицо закрывают руками, когда слишком высоко над рекой взлетают весной качели. Доберется когда-нибудь Агафия даже до ясного солнышка и луны, хрупкой, как льдинка на луже. Жаль, не видно искрящейся глади полей и замерзшей Рюнды. Не всплывают похожие на шерсть медвежью конусы елок, снегом присыпанных. Не тянется легкий дымок из изб деревенских. А все же удивительная ночь – дикая, неистовая, будто сама вперед смельчаков несущая. Остался позади даже оплакивавший князя Ярослава Сороцк. Метелица утихала. Зоркими глазами смотрела Агафия вниз, больше всего и боясь, и желая увидеть неведомые кередские юрты.

Вдруг из леса, над которым летела княжна, раздался стон человеческий. Горлица встрепнулась и полетела вниз.

Там был леший ростом в два витязя из дружины княжеской, в плечах широкий, с обвисшим брюхом. Голое тело покрывал зеленый мох, из которого и зимой росли грибы ядовитые. Седые волосы и борода и кустистые брови прятали и нос, и рот, и лоб, и уши. Только два тусклых белых глаза – правый больше левого – смотрели на припорошенные снегом деревья равнодушно. Леший ноги – пятками вперед – переставлял тяжело, хрипя и отплеываясь. В сучковатых, как корни дуба, когтистых лапах держал он дубину тяжелую, от взмаха которой, видно, сломалась высокая сосна, придавив небольшого волка с грязно-серой, почти темной шерстью. Он кричал человеческим голосом! Крупная медведица с шерстью светло-бурой вразвалочку выскочила между лешим и жертвой его.

– Чего надобно, Хозяин леса?

– Пф! Волко-пф-лаки! Пре-пф-дали всех – с пф людьми яш-пф-каетесь!

– Разве волколак лешему не меньшей брат?

– Пф! Забыли пф! Все пф забыли! От-пф-чего не но-пф-сят кашу да пф хлеб в ле-пф-са?

Не прости-пф-ли этого боги пф древние! Захлеб-пф-нуться от кро-пф-ви люди. Чую! За пф корот-пф-кую память. И волко-пф-лаки с ними! Пф!

– Разве мы принесли веру новую в эти земли? По порядку нынешнему волколакам после смерти в геенне огненной гореть положено, хоть всю жизнь молитвой да постом душу спасай. Среди людей живем в страхе вечном и горестях. В лес податься нельзя – лешие нападут. Знать, велика перед всем миром вина наша. Не губи. Отпусти без обиды.

– Пф! Не раз-пф-жалобишь пф меня! Кому пф верить? Волколаку? Пф! Бабе? Пф! Лукавые!

Волк под деревом притаился, прижал к голове уши и дрожал. У лешего из невидимого под бородой и усами рта вверх летел серебристый пар. Надо было придумать что-то.

– Пока ты со мной лясы точишь, у Рюнды мужики рубят лес. Я видела, когда сюда летела. Поспеши, уцепись за сани. Плох тот хозяин, кто за владениями своими спустя рукава следит.

Леший прищурил глаза, с шумом вдохнул в спрятанный род седыми прядями нос морозный воздух. Ничего не мог учуять он из-за ветра и снега. Развернулся и пошел к далекой Рюнде, не оставляя следов на глубоком мягком снегу, бесшумно. Тенью растворился он в зимнем лесу. Медведица подошла в сосне, обхватила лапами могучими ствол, поднатужилась так, что под черными губами заблестели клыки острые. Темный некрупный волк, скуля, выполз из ловушки.

– За спасение мое благодарствую, – сказала спасенная. Был ее голос странным – так звучали родные слова княжны в речах купцов заморских.

– Ты откуда? – любопытно стало Агафии. – Должно, издалека.

– Я родилась в этих краях, но в семье бедной, и была взята в плен ребенком малым. После долгих мытарств попала к принцессе Лан из Хуа-го. Как давно это случилось – и как далеко! После смерти госпожи стала я служить Бортэ-ханум, дочери Бату-хана.

– Того самого! Зверь он все-таки или человек?

– Я двадцать лет скиталась по степям, а он спал, пировал и ласкал пленниц в соседней юрте. Знаю, что предки Бату-хана с волками связаны²⁰, но сам он обычный вдовец, потерю супруги оплакивающий и к нуждам дочери своей внимательный. Нет в нем ничего, что пришлось бы кередам не по нраву, а детей все воспитывают на его примере, – рассказала волчица почти восторженно, но после будто опомнилась. – Слишком долго жила вдали от народа своего. Все перемешалось. Даже язык... Я ведь не поняла, что тебе говорил тот, страшный.

²⁰ Батый – прототип Бату-хана – происходил из рода Борджигин. Ученые связывают возникновение этого этнонима от слов «бери» («волк») и «тегин» («принц»)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.